

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Институт «Юридический»
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент

_____ И.М. Беляева
_____ 2018 г.

Дискуссионные вопросы вины в уголовном праве России

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.03.01.2018.406 Ю

Руководитель работы,
доцент кафедры

_____ Н.И. Щипанова
_____ 2018 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-406

_____ Н.М. Худавердиева
_____ 2018 г.

Нормоконтролер, преподаватель

_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2018 г.

Челябинск 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИНСТИТУТА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	
1.1 История развития отечественного законодательства о вине.....	8
1.2 Понятие и содержание вины в уголовном праве России.....	20
1.3 Виновное вменение в уголовном праве зарубежных стран.....	29
2 ФОРМЫ И ВИДЫ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ	
2.1 Умысел и его виды.....	39
2.2 Неосторожность и ее виды.....	49
2.3 Преступления с двумя формами вины	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	74
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	77

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о вине как субъективной предпосылке уголовной ответственности всегда занимал первостепенное место среди правовых проблем. Вина лица в совершении преступления является важнейшим признаком преступного деяния, от ее установления зависит правильность квалификации деяния, а также размеры и вид наказания, применяемого к виновному.

УК РФ закрепил принцип субъективного вменения и целую главу посвятил вине, чего не было, например, в УК РСФСР, однако анализируя положения УК РФ, ученые и правоприменители столкнулись с тем, что некоторые формулировки порождают различное толкование и из-за этого на практике появляются сложные не разрешенные вопросы, связанные с установлением вины. И таких вопросов в данной теме достаточно, например, что такое «вина»? – уголовный закон не содержит четкого определения; как избежать объективного вменения при установлении состояния опьянения (примечание ст. 264 УК РФ); сознает или нет лицо противоправность своего деяния; насколько оправдано включение законодателем статьи о преступлениях с двумя формами вины; возможно ли соучастие в преступлениях с двумя формами вины.

В своей работе я хотела представить эволюцию развития учения о вине, показать различные точки зрения, порою абсолютно противоположные, на сложные и не разрешенные вопросы вины в уголовном праве.

Выпускная квалификационная работа состоит из двух глав. Я думаю, что для раскрытия темы необходимо было заглянуть в историю уголовного законодательства: изучить как наши предки подходили к определению виновности лица и поэтому первая глава посвящена экскурсу в историю развития вины в Российском законодательстве, а также раскрытию принципа субъективного вменения, теоретическому понятию вины и ее содержанию, и, конечно же, изучению виновного вменения в зарубежных странах. Во второй главе рассматриваются дискуссионные вопросы форм и видов вины,

приведены различные точки зрения на их теоретическое понятие и внутреннее содержание.

Актуальность изучения выбранной темы предопределена тем, что наиболее сложной для установления и доказательства является субъективная сторона состава преступления, составной частью которой и является вина. В каждом конкретном случае необходимо правильно установить именно ту форму вины, которая предусмотрена уголовным законом. Не все существующие на сегодняшний день дискуссии разрешены и наука должна искать оптимальные варианты их решения.

Целью квалификационной работы является изучение дискуссионных вопросов вины, которые складывались в процессе эволюции учения о вине, а также исследовать различные точки зрения о затруднительных вопросах, складывающихся на практике и в науке.

Задачами выпускного исследования явились : изучение истории развития отечественного законодательства о вине и становление принципа виновного вменения, исследование понятия вины и ее содержание, а также изучение зарубежного опыта и теорий на которых основано понятие о вине, рассмотрение характеристик форм вины и ее видов, определение дискуссионных вопросов сложившихся на практике и в науке .

Значительный вклад в разработку и изучение данной темы внесли известные ученые: П. С. Дагель, А. И. Рарог, Б. С. Утевский, Г. А. Злобина, С. В. Векленко, В. Н. Пинчук, И. Я. Козаченко, Е. А. Сухарев и т.д.

При написании данной работы использованы работы указанных ученых, а также статьи из журналов, учебная литература и конечно же законодательство и комментарии к нему. Необходимым и обязательным источником данной работы стало изучение уголовных дел.

1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИНСТИТУТА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

1.1 История развития отечественного законодательства о вине

Отражение внутренней стороны преступления как к условия привлечения лица к уголовной ответственности не всегда находило место в уголовном законодательстве. Данное положение обусловлено, прежде всего, уровнем культуры, политическими, экономическими, социальными и иными причинами, которые оказывали влияние на человеческое мышление, в том числе и в вопросе о преступности и наказуемости деяния.

В древнейшем праве в большей степени играло роль само преступное деяние, далее внешнего проявления поведения законодатель не вглядывался, не доискивался существа вины, а описывал ее как конкретного человека, причинившего какой – либо вред, запрещенный уголовным законом, то есть существовало так называемое объективное вменение. В связи с этим не различались такие формы вины, как умысел и неосторожность, а к виновным действиям приравнивались случайные проступки и на ряду с человеком наказанию подвергались не только животные, но и неодушевленные предметы¹. Однако не верно утверждение о том, что в древнерусском праве вообще отсутствовало представление о субъективных признаках преступления. Согласно положениям Устава Ярослава о Земских Делах: «аще кто въ гумно, или в стоги внержетъ огонь, ищяя вражду, огнем сожжен будетъ». Толкуя данную норму, можно придти к выводу о применении к преступнику наказания при наличии в его деянии умысла(вражды)².

В древнейших известных на сегодняшний день отечественных нормативно – правовых документах, договорах Руси с Византией X в., употребляется термин «согрешение» (ст. 2 Договора Руси с Византией

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Общая часть. – СПб., 1902. – С.563.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. II. Субъективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. – М., 2016. – С.5.

911г.), что по мнению филологов переводится как «вина»¹, что транслирует нам о том, что многие древнейшие правовые памятники восприняли положения Священного писания, а правовая терминология была пронизана религиозным духом.

Чуть позже право Древней Руси подверглось систематизации в более крупный памятник истории отечественного права периода феодальной раздробленности, и стало называться Русской Правдой. В данный период представления о субъективной стороне эволюционировали, а в сокращенной редакции Русской Правды активно используются такие термины, как «вина», «виноват», «виноватый». Также законодатель пытается дифференцировать вину по смягчающим основаниям. Деяния совершенные в состоянии сильного душевного волнения, назывались термином «в запальчивости», а деяния вызванные поведением потерпевшего, вообще освобождались от наказания: « Аже кто кого ударит ботогомъ; либо чашею, либо рогомъ; либо тилееною: то 12 гривен: не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему въ томъ нетуть»². Христианизация Руси отразилась не только на дальнейшую историю, но и существенное влияние оказало на правовую систему государства. А переход от язычества к христианству означало полное восприятие византийского права, представленного в виде церковных канонов³.

В Двинской Уставной Грамоте 1398 г. вина лица связанная с материальной ответственностью выступает как что – то материальное, осязаемое, то что можно взять, отдать, забрать и т.д. Василий III хотел «возложить опалу» на князя Семена Ивановича, но по ходатайству приближенных «вины его отдал». Иван IV пожаловал виновных феодалов – «вину им отдал». Таких свидетельств в летописях достаточно много, и в

---

¹ Памятники Русского права. Вып.1: Памятники права Киевского государства X – XII вв. / под ред. С.В. Юшкова. – М., 1952. – С. 16.

² Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 6.

³ Салтыкова С. Зарождение древнерусского права // Российская юстиция. – 1997. – №1. – С. 60.

смысле «материальности» вины они полностью соответствуют законодательным актам того времени¹.

В Средние века в эпоху уставных грамот и судебныхников, отечественное законодательство начало уходить от концепции объективного вменения. Тенденция смещения понятия вины и виновности из материальной сферы в область душевно- эмоционального состояния человека. Так, в Судебнике 1497 г. вина лишь однажды равнозначна материальным взысканиям в статье 38. В остальных статьях «виноватый», что означает проигравший дело, это уже непосредственно определенное состояние лица, то есть законодатель пытается охватить и саму личность преступника. Судебник 1589 года главный упор делает именно на личность преступника, которая испытывает неблагоприятные материальные последствия: кто покупал на торгу без договора, тому «быти виновату», т.е. на него ложатся убытки и расходы. И «повинить» означало возложить на лицо бремя уголовно – правовых последствий².

Судебник 1606- 1607 гг. отлазил все предшествующие направления развития, кроме «виноватого», в нем содержится понимание вины в более глубоком смысловом значении, когда она представляет собой совокупность условий ответственности личности и правильности осуждения. Применительно к конкретным преступникам, виновность индивидуализируется, а ответственность наступает, за то «кто в чем виноват»³.

Следующим правовым актом, оказавшим влияние на развитие субъективной стороны преступления, стало Соборное Уложение 1649 года. В нем существенно возросло значение человеческой индивидуальности и тезис

---

¹ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. – М., 1995. – С.52 – 53.

² Памятники Русского права. Вып.4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV – XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1956. – С. 440.

³ Векленко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве : Монография. – Омск, 2002. – С. 19.

ответственности перед Богом стал абстрактным. Тезис о греховной природе преступления уже не ставится во главу угла вследствие развития рационализма, человеческой индивидуальности и переосмысления роли Церкви в светской жизни государства, которой отводилась уже не столь определяющая роль. Уложение устанавливало, что действия субъекта все больше относятся к его представлениям, отражая его психологическое отношение к своему преступному поведению.

В Соборном уложении 1649 г. появилось очень важное понятие воли. Если показания обвиняемого не подтверждались свидетелями, на которых он указывал, то «его тем обвинить по тому, что он на тех людей сам слался из воли». В этой связи оценка различий волевой направленности действий виновного весьма высока. А преступление делилось на умышленное, случайное и неосторожное. Например, в случае с поджогами имущества кодекс различал казус («ненарочное дело»), неосторожность («небрежение») и умысел («нарочное дело»)¹.

Уложение также содержало обстоятельства совершения преступления, которые современное законодательство расценивает как состояние аффекта, а в частности, когда деяние было направлено против близких родственников, совершенное в ссоре, внезапные деяния в «запальчивости и раздражении», называя их «учиненными без умышления, въ драце или пьянымъ деломъ». За такие неумышленные преступления устанавливалось более мягкое наказание.

Формирование понятий умысла и неосторожности в Соборном Уложении 1649 года во многом подготавливало почву для перемещения понятия вины и других факультативных признаков субъективной стороны преступления в область психической деятельности человека. Для полного разрыва с традиционными, для того времени, категориями человек должен был порвать с религиозными догмами.

---

¹ Памятники Русского права. Вып.6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М., 1957. – С. 130.

После государственных преобразований Петра I многие нормы права XVII в. фактически потеряли силу. Наибольший интерес из уголовно-правовых документов петровского времени представляет Артикул воинский 1715 года с кратким толкованием¹, Артикул воинский 1715 года- это первый военно- уголовный кодекс России, который так и действовал совместно с Соборным Уложением 1649 года до создания Свода законов Российской империи 1833 года. В Артикуле большее внимание уделяется признаку виновности, а уголовная ответственность могла наступить только в отношении «винных людей», однако самого понятия «вины» Артикул не знал. Артикул воинский проводил различие между деяниями умышленными, неосторожными и случайными. Неосторожную вину законодатель определял через термины: «из легкомыслия», «неосмотрителен», «с лености или от неосторожности», «небрежением и виностью офицерскою или солдатскою», «не одумавшись с сердца, или не опамятовась», «ненарочно и неволею», «не в намерении», «небрежением и неосторожностью». При описании случайного убийства, за которое не предусмотрено наказание, использовалась следующая формула: «весьма неумышленное и ненарочное убийство, у котораго никакой вины не находится»².

Следующим крупным шагом в эволюции психологических оснований вменения становится Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В соответствии со статьей 3 Уложения преступления делятся на умышленные и неумышленные. Статья 6 выделяла две разновидности умысла: «В преступлениях и проступках умышленных различаются две степени:

1. Когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла;

2. Когда оно учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления». Согласно ст. 7 «зло, сделанное случайно,

---

¹ Российское законодательство X – XX веков / под ред. О.И. Чистяков. – М., 1986. – С. 314.

² Векленко С.В. Указ. соч. – С. 21.

не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною». Из этих формулировок можно сделать вывод, что Уложение под «виной» понимало умышленное или неосторожное отношение лица к совершенному им деянию.

Виновная ответственность получила достаточно детальную регламентацию в Уголовном уложении 1903 года, в котором было покончено с многозначностью понятий, определяющих вину, как это было в предыдущем уголовном законодательстве. Согласно статье 48 Уложения, «деяние почитается умышленным не только когда виновный желал его учинения, но также когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния»¹. Признаками умышленной формы вины являются: 1) желание совершения деяния; 2) сознательное допущение наступления последствий. Кроме умышленной формы вины, статья 48 Уложения имела указания, на неосторожную форму, которой следует признавать деяние : «не только когда виновный его не предвидел, хотя мог и должен был оное предвидеть, но также когда он хотя и предвидел наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния, но легкомысленно полагал такое последствие предотвратить»².

Понятие вины встречается в самых первых законодательных актах Советского государства. О «виновных» и «виновниках» и об их ответственности говорят многие акты, относящиеся еще к 1917 году³. В первом советском Уголовном кодексе – УК РСФСР 1922 г. – говорится не только о «виновных» (ст. 30), но и о «вине». Так же появляются понятия умысла и неосторожности. В постановление Кассационного отдела ВЦИК о подсудности революционных трибуналов говорило о тех, кто «по

---

¹ Таганцев Н.С. Уголовное уложение. – СПб., 1904. – С.5.

² Таганцев Н.С. Указ. соч. – С. 94.

³ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве: монография. – М: Проспект, 2017. – С. 29.

неосторожности» или с «умыслом» дискредитирует советскую власть « в глазах населения»¹.

Проект Уголовного кодекса РСФСР, составленный Комиссией Общеконсультационного отдела Народного комиссариата юстиции и опубликованный в 1920 г., не упоминал ни о вине, ни об умысле и неосторожности. Объяснительная записка к проекту откровенно заявляла: «Оттенки умышленности, неосторожности утрачивают значение факторов, направляющих наказание по заранее определенной линии; сохраняя некоторое значение признаков, свидетельствующих о характере личности, они перевешиваются анализом свойств преступного состояния деятеля, мотивами правонарушения и особенностью избранных средств»².

Отрицательное отношение к понятию вины сохранили и составители объяснительной записки к проекту Уголовного кодекса 1926 года, они упоминали вину в числе « чуждых нашим правовым воззрениям и перешедших к нам лишь по традиции, по наследству от старого буржуазного права, терминов», однако сам Кодекс сохраняет требование умысла и неосторожности как субъективной стороны состава преступления³. Такое отношение к вине было обусловлено неправильным, противоречащим указаниям Ленина и Сталина, пониманием вины некоторыми советскими учеными- криминалистами.

В статье 10 УК РСФСР 1926 года сказано, что « в отношении лиц, совершивших общественно- опасные действия, меры социальной защиты судебно- исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, то есть предвидели общественно- опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, и б) действовали неосторожно, то есть не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были

---

¹ Там же.

² Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. – Ленинград, 1925 г. – С.105.

³ Утевский Б.С. Указ. соч. – С. 31.

предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия»¹.

Законодатель в УК РСФСР 1926 г. при описании конкретных составов преступлений активно использовал и иные конструкции, характеризующие субъективное отношение лица к содеянному: умышленное истребление или повреждение имущества (ст.79 УК РСФСР), преступно-небрежное обращение с лошадьми (ст.79 УК РСФСР), заведомо ложный донос (ст.95 УК РСФСР), небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям (ст. 111 УК РСФСР), неосторожное телесное повреждение (ст. 145 УК РСФСР), самовольное использование литературных, музыкальных и иных художественных и научных произведений (ст. 177 УК РСФСР).

Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. закрепили принцип виновной ответственности и содержали законодательные формулы умысла и неосторожности. В послевоенные годы вопросам вины в праве было посвящено множество работ. Их можно разделить на две группы по принципиально отличному подходу к пониманию вины: психологическому и оценочному.

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, вине посвящена целая глава (глава 5 УК РФ). Статьи данной главы не только называют, но и подробно регламентируют умышленную и неосторожную формы вины (статьи 24, 25, 26 УК РФ), ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины (ст.27 УК РФ), а также случаи невиновного причинения вреда (ст.28 УК РФ). Вина определяется как один из принципов уголовного права в качестве необходимого условия уголовной ответственности (ч. 1 ст. 5 УК РФ) и в качестве обязанности субъективного

---

¹ Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» от 22.11.1926 // Доступ из «СПС Консультант плюс».

вменения (ч.2 ст. 5 УК РФ), так же законодатель называет вину одним из основных признаков в понятии преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Развитие принципа субъективной ответственности в советском уголовном праве и учения о вине в советской юридической науке было динамичным и противоречивым. Это было вызвано отказом Советской власти от термина «вина», которое выражалось в изъятии его из норм уголовного права, однако привлечение к ответственности строилось на принципе субъективного вменения. Статья 5 УК РФ устанавливает: « 1. Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. 2.Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается».

Происхождение вины как обособленного принципа уголовного права связано со значительным усилением фактора социализации данной отрасли права, приближением базовых установок уголовно – правового регулирования к морально-этическим ценностям и общества, и правового государства. По мнению А.В. Агачевой подчинение уголовно – правового принципа вины общечеловеческой идее справедливости способствует рационализации уголовно – правовых отношений, упрочению регулятивной, охранительной, превентивной и воспитательной функций уголовного права и уголовного закона, интегрированию российского уголовного права в современную правовую систему¹.

Кроме того, принцип субъективного вменения распространяется на тех лиц, которые во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, указанные лица не подлежат уголовной ответственности (21 УК РФ).

Казалось бы, с закреплением в ст. 5 УК РФ соответствующего принципа, проблема его реализации нашла свое логическое завершение, законодатель

---

¹ Агачева А.В. Проблема вины в уголовном праве России // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С.90.

указал ориентиры, которыми необходимо руководствоваться, в принятии решения. Вместе с тем исследование показывает, что это далеко не так. Для реализации задач уголовного права необходимо учитывать не только само наличие виновного поведения, но также характер и степень проявления в деянии отрицательного отношения субъекта к социальным ценностям¹.

Установленный принцип субъективного вменения порождает такую проблему как привлечение лица, которое добросовестно заблуждалось в противоправности своего деяния, т.е. юридическая ошибка в оценке своего деяния. Так с позиции принципа вины, тем самым, непонимание лицом противоправности содеянного не имеет уголовно – правового значения, независимо от того, какие уважительные причины назовет подсудимый. В то же время, количество и динамика изменения законов и в особенности подзаконных правовых актов в России превышает пределы гарантированной информированности граждан. Неверное знание субъектом юридических обстоятельств совершаемого им деяния исключает умышленную форму вины, а, следовательно, и уголовную ответственность, если лицо действительно не могло знать о существовании уголовно-правового запрета². Следовательно с точки зрения косвенного закрепления принципа субъективного вменения в УК РФ (ст. 5, 24), юридическая ошибка может рассматриваться в качестве обстоятельства исключающего вину лица. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что ученые всё чаще склоняются к позиции, которая предусматривает закрепление презумпции в уголовном законе, а не её существование в виде предположения, гипотезы, подтверждение или опровержение которой должно служить средством установления искомых обстоятельств, юридических фактов и их последствий³.

---

¹ Питецкий В.В. Проблемы реализации принципа вины в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – №5. – С. 169.

² Там же – С. 167.

³ Новичков В.Е. Субъективное вменение в современном уголовном праве России и заблуждение лица, совершившего общественно опасное деяние // Таврический научный обозреватель. – 2017. – №3 – 1. – С. 7.

Исходя из сущности принципа вины, предпочтение должно отдаваться субъективным признакам преступления. И если какое – либо объективное обстоятельство умышленного преступления не осознается субъектом, то вменять его лицу нельзя. Так, например, в случае разграничения кражи и грабежа пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывает, что в тех случаях, когда собственник или иной владелец имущества видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное является тайным хищением чужого имущества¹. Схожее правило установлено в пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» где указывается, что «необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по статьям 150 и 151 УК РФ»². Думаем, что иное решение будет свидетельствовать о нарушении принципа вины.

Провозглашая принцип виновной ответственности Российское законодательство, допускает значительную долю оценочных элементов, что создает возможность объективного вменения, что должно быть исключено в цивилизованном государстве³. С этим трудно спорить, ибо объективное

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 года № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. № 4.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 года N 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. № 1.

³ Епифанова Е.В. Объективное вменение как реальность в современном уголовном праве// Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2017. – № 2. – С. 66.

вменение — это пережиток классовости уголовного права, от которого в переходный период избавиться невозможно. Р. Р. Галиакбаров отмечает, что, несмотря на то, что российское законодательство принципиально отвергает объективное вменение, исключить полностью его не удастся. Чаще всего практика сталкивается с ними при совершении неосторожных преступлений (например, автотранспортных); возможность объективного вменения сохраняется при совершении преступлений с двойной формой вины и даже при совершении умышленных преступлений¹.

М. В. Бавсун указал, что несоответствие отдельных положений УК РФ складывающейся правоприменительной практике и ее формирование на основе целесообразности, а не законности, позволяет сделать вывод о реальном существовании объективного вменения, что противоречит принципу виновной ответственности². В качестве примера о наличии в уголовном законе норм устанавливающих объективное вменение можно привести примечание статьи 264 УК РФ, в котором установлено, что лицом находящимся в состоянии опьянения признается, в том числе, и лицо управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В данном случае может быть ситуация при которой лицо, осознавало, что оно не употребляло вызывающих опьянение веществ, но по каким-либо причинам отказалось от прохождения освидетельствования, объективно правоприменителем будет считаться находящимся в опьянении.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что объективное вменение, которое встречается на практике и отражается в некоторых нормах, является результатом отсутствия единой четко сформулированной

---

¹ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. – Саратов, 1997. – С. 96.

² Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – С. 12 – 13.

уголовно-правовой политики. В настоящее время объективное вменение следует рассматривать как результат нарушения основных принципов уголовно-правовой политики, таких как приоритетность прав человека.

Завершая анализ отечественного уголовного законодательства, посвященного различным проявлениям вины, следует отметить, что на примере рассмотренных нормативных документов нельзя не увидеть эволюции уголовно-правовых взглядов, которая способствовала перемещению категории вины из области материальных признаков преступления в сферу субъективных оснований уголовной ответственности. Способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями постепенно занимает центральное место в деле надлежащей защиты важнейших интересов личности и общества от различного рода противоправных посягательств.

1.2 Понятие и содержание вины в уголовном праве России

Любое преступление представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, которые характеризуют поведение лица, совершившего общественно опасное деяние.

Вина является основным признаком субъективной стороны, но не единственным. Факультативными признаками являются мотив- побуждение, в силу которого действует лицо; цель- общественно вредный результат, к которому стремится виновный; эмоции- переживания лица, которые сопровождают совершаемое преступление.

При осмыслении философского понятия вины особого внимания заслуживают исследования человеческой субъективности, осуществленные Б.П. Вышеславцевым. Этот ученый считает, необходимым «признать бессилие закона в его вековечной борьбе со злом: он не может преодолеть сопротивление плоти, не может преодолеть сопротивление греха, он не может никого оправдать, он лишь говорит: все виновны перед Богом»;

«только воля, могущая сказать «да» или «нет», имеет этическую ценность, ибо она вменяема»¹.

Вопрос о вине как субъективной предпосылке уголовной ответственности всегда занимал первостепенное место среди правовых проблем. Психической нитью, связывающей деятеля с преступным результатом его действий, называл вину А.Н. Трайнин².

Психологическая наука свидетельствует, что сознание имеет свою структуру, свои компоненты, посредством чего регулирует свое поведение. Так И.С. Самощенко при определении вины указывает на важное обстоятельство: «Вина – это конкретное психическое отношение лица к своему конкретному внешнему поведению и его последствию, а не состояние психики данного лица вообще...»³. В.Л. Васильев отмечает, что «человек постоянно сталкивается с необходимостью выбора одной из альтернатив поведения, и от него всегда ожидается проявление нормальных реакций на взаимодействие среды. Эти требования, в социальной психологии называемые «социальными ожиданиями», необязательно исчерпывающим образом сформулированы, они как бы подразумеваются сами собой»⁴. Выраженный во вне поведенческий акт, который требует правового регулирования, можно охарактеризовать возможностью лица избрать линию своего поведения.

Так, С.Е. Данилюк высказал мнение, что смысл вины «заключается в предъявлении упрека со стороны общества лицу, совершившему противоправное деяние. Обосновать упрек можно лишь в том случае, если лицо проявляло отрицательное или пренебрежительное отношение к охраняемым уголовным законом основным ценностям и благам общества. Упрек нельзя предъявить, если лицо не могло или не должно было

---

¹ Векленко С.В. Диалектика и вопросы вины в уголовном праве: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – С. 6.

² Пинчук В.И. Вина: Учебное пособие. – СПб, 1998. – С. 3.

³ Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М, 1963. – С. 130.

⁴ Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб, 2009. – С. 127.

осознавать запрещенность совершаемого деяния»¹. Подобная оценочная трактовка вины не находит широкой поддержки.

По мнению А. И. Рарога вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей².

Изучив понимание вины обозначенные в различных отраслях человеческого знания С. В. Векленко, пришел к выводу, что вина представляет собой субъективно-объективную категорию, содержание которой составляют два взаимосвязанных отношения. С одной стороны, это отношение лица, совершившего какой-либо проступок или правонарушение, к тому, что он совершил. А с другой, отношение общества к данному поступку либо правонарушению и к лицу, его совершившему. В основу данного отношения общества к нарушителю закладывается должное поведение, т.е. ожидаемая и прогнозируемая реакция лица на ту или иную ситуацию, на те или иные воздействия факторов окружающей среды³.

Термин «вина» активно используется в повседневной жизни, существенный вклад в это внесли религия, философия, психология и юриспруденция. Но из-за неоднозначности трактовки нет единого понимания содержания данного слова, по нашему мнению, данную проблему можно было бы искоренить, закрепив законодательное определение термина в УК РФ.

Основными категориями, характеризующими вину, являются содержание, форма, сущность, степень и объем. Центральное из них занимает содержание вины. При анализе содержания вины общепризнанным

---

¹ Данилюк С.Е. Ошибка в противоправности преступного деяния и ее уголовно-правовое значение: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1990. – С. 16.

² Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 95.

³ Векленко С.В. Указ. соч. – С. 13.

является выделение двух основных компонентов: интеллектуального и волевого.

Элементами интеллектуального содержания вины являются сознание и предвидение.

Представитель различных наук трактуют сознание неодинаково. Философ А. Г. Спиркин предлагает следующее определение понятия: «Сознание – это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении и конструктивно-творческом преобразовании действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека»¹.

Так сознание человека имеет следующие особенности:

1. Человек обладает знаниями, которые представляют совокупность человеческого опыта, передаваемый посредством слова.

2. Сознание человека, характеризуется способностью: мысленно представлять существующую и воображаемую действительность; контролировать свое психическое состояние; управлять поведением; видеть и воспринимать существенные стороны и закономерности окружающего мира.

Применительно к конкретному акту поведения сознание представляет собой мысленное (интеллектуальное) соотнесение побудительных факторов с целью действия, самими актами деятельности, их социальной и правовой значимостью и теми последствиями, которые наступили или могли наступить как результат этой деятельности. Но соотнесение лица с объективной реальностью в процессе деятельности есть не только выделение его из окружающей среды, не только отражение мира в определенных образах, но и

---

¹ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М., 1972. – С. 83.

отношение (желание, переживание, внутреннее стремление к чему- то) лица к действительности¹.

Сознание выступает необходимым для привлечения к ответственности лица, интеллектуальным признаком вины, но в процессе определения наличия сознания, можно задаться вопросом, а какой же круг явлений необходимо осознавать преступнику, то есть что входит в предмет сознания. А. И. Рарог считает, что «предметом сознания являются только те объективные факторы, которые определяют юридическую характеристику данного вида преступлений, то есть входят в число признаков состава этого преступления»². А в предмет сознания «как элемента умысла входят: 1) общественная опасность деяния т. е. характеристика (хотя бы в общих чертах) объекта преступления, фактическое содержание и социальные свойства всех составных элементов действия или бездействия; 2) противоправность совершаемого деяния»³. По данному вопросу существует дискуссия в науке уголовного права, и некоторые ученые как Н. М. Корпачев, В.В. Лунеев, А. И. Марцев, С. В. Векленко критикуют данную позицию, считая, что осознание общественной опасности преступления самим преступником, это всего лишь уголовно- правовая иллюзия, которая держится на надежде о высоком правосознании граждан. А осознание противоправности, вообще не разумно, так как требовать от граждан норм уголовного закона и постановлений Пленума Верховного суда РФ, видится не логичным. Кроме того лицо может ошибаться в отношении юридической характеристики деяния, иными словами в отношении его противоправности. Однако для квалификации деяния данная ошибка не имеет значения и не влияет на уголовную ответственность.

С. В. Векленко предлагает следующий путь решения данной дискуссии: «Принимая во внимание, что любое преступление по своей социальной сути

---

¹ Мясищев В.Н. Личность и неврозы. – Ленинград, 1960. – С. 109.

² Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. – М.: Проспект, 2017. – С. 54.

³ Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве. – М., 1980. – С. 32.

представляет собой конфликт интересов (преступника и жертвы, преступника и государства), считаю вполне допустимым со стороны государства и общества требование о сознании либо осознании(при умысле) того, что деяние лица, нарушающего уголовно- правовой запрет, вступает в конфликт с чьим- то интересом. Причем совсем не обязательно, чтобы данное лицо осознавало, что посягает на охраняемый законом интерес. Достаточно сознания лицом того, что подвергнувшемуся преступному воздействию интересу может быть причинен какой- либо ущерб»¹.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить , то что сознание является неотъемлемой частью интеллектуального признака содержания вины субъекта при совершении преступления, и является основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. На данный момент практика сложилась по пути соответствующему мнению А.И. Рарога, его теория относительно того, что является предметом осознания, является превалирующей относительно теории С. В. Векленко.

При совершении преступления с материальным составом элементом интеллектуального признака является и предвидение (либо возможность предвидения) наступления общественно опасных последствий.

Термин «предвидение» означает одну из форм познания, выступающего в качестве прогнозирования тех или иных явлений и процессов. Предвидение является существенной характеристикой сознательной деятельности человека. Прежде чем действовать, в сознании создается образ будущего результата. Этимологически предвидеть означает «знать заранее, предполагать возможность появления, наступления чего-нибудь»². Из толкования слова «предвидение» вытекает то, что оно всегда обращено в будущее. Предвидение позволяет выйти за рамки непосредственно воспринимаемого и, основываясь на актуально осознаваемом, предвосхитить

---

¹ Векленко В.С. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве: монография. – Омск, 2002. – С. 102 – 103.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 2004. – С.579.

будущий результат. Эта способность – важнейшая черта целенаправленной деятельности человека. Трудно представить себе организацию любого вида деятельности без сознания ее результатов, и преступная деятельность в этом отношении не отличается от других видов деятельности.

Бурная научная дискуссия развернулась по соотношению сознания и предвидения лица, совершающего преступление. Так, Б.С. Никифоров указывал, что «предвидение – это по существу то же сознание, включающее в себя представление об опасности действия и его причинной связи с наступившим вредом»¹. А В.А. Якушин полагал, что «невозможно планировать, прогнозировать, предполагать последствия и ведущие пути к ним, не сознавая фактического и социального значения совершаемых действий и требований к ним»². Более категорично по данному вопросу высказался В.А. Нерсесян, по мнению которого «осознавать общественную опасность деяния можно лишь при предвидении общественно опасных последствий, поэтому не предвидение производно от сознания общественной опасности, а, наоборот, без предвидения последствий практически трудно осознать общественную опасность деяния»³. А.И. Рарог заключает, что: «1) сознание не равнозначно предвидению; 2) предвидение обращено в будущее; 3) предвидение имеет своим предметом общественно опасные последствия»⁴.

Согласно статье 25 и 26 УК РФ позиция законодателя такова: при любой форме вины (умышленной; неосторожной) правоприменитель обязан устанавливать: либо реальное предвидение, либо обязанность, либо возможность предвидеть наступление последствий.

Предметом предвидения при совершении умышленных преступлений по мнению С. В. Векленко должна выступать «возможность причинения вреда

---

¹ Никифоров Б.С. Субъективная сторона формальных преступлений // Советское государство и право . – 1971. - № 3. – С. 118.

² Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно- правовое значение. – С.23.

³ Нерсесян В. А. Неосторожная вина : проблемы и решения // Государство и право . – 2000. – № 4. – С. 63.

⁴ Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве. – М., 1980. – С. 33.

чьим- либо интересам»¹. Также, по его мнению, замена слова «последствия» на термин «причинение вреда» призвана положить конец многолетним дискуссиям о возможности предвидения общественно опасных последствий в преступлениях с формальным составом, которые, в свою очередь не требуют для признания их оконченными наступления каких- либо последствий. А юридическое содержание термина «причинение вреда» распространяется не только на преступный результат, но и на пути его достижения, т.е. на преступные действия или бездействие, поэтому, благодаря предлагаемому уточнению предмета предвидения, в преступлениях с формальным составом предвидение также станет бесспорным элементом умышленной вины².

По нашему мнению, установление возможности предвидения подлежат обязательному установлению по каждому уголовному делу для возможности установления рамок уголовной ответственности и определения для лица справедливого наказания, только за то деяние, которое и являлось предметом его виновного поведения. Определение границ предвидения обеспечит отграничить умышленное преступление от неосторожности.

Также элементом содержания вины является волевой признак, предметное содержание которого определяется конструкцией состава преступления.

И.М. Сечено считал, что воля – это деятельная сторона разума и морального чувства, управляющая движением во имя того или другого и часто наперекор даже чувству самосохранения³.

Советская психология установила следующие этапы, из которых складывается сознательное волевое действие: во – первых, возникновение у человека потребности или желания; во- вторых, осознание человеком этой потребности или желания; в- третьих, борьба желаний и мотивов за и против удовлетворения этой потребностей данным способом; в- четвертых, принятие

---

¹ Векленко С.В. Диалектика и вопросы вины в уголовном праве. – Омск, 2003. – С. 41.

² Там же. – С. 41.

³ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. – М., 1947. – С. 298.

решения (т.е. появление решимости, если речь идет о преступлении) и, в-пятых, выполнение этого решения¹.

В связи с этим в истории философии стоял вопрос о том, является ли человеческая воля свободной и носят ли действия человека характер свободного волеизъявления?

Свобода воли, понимаемая как автономно принятое решение человека выбрать из доступных ему один вариант действия (включая как действие, так и бездействие), предполагает объективные компоненты (доступные варианты действия) и субъективные (осознание наличия этих вариантов и способность автономно принять решение о выборе варианта поведения)². Но они не могут быть жестко разграничены, т.е. в объективных встречаются субъективные компоненты и наоборот.

Уголовная ответственность и наказание применимы в правовом государстве только при том условии, что преступление стало продуктом свободной воли человека. В теории состава преступления нет элемента «свобода воли», нет и такого признака какого-либо элемента, как «свобода воли», что обусловлено, во-первых, неюридическим происхождением этого понятия и, во-вторых и преимущественно, признанием уголовным правом опровержимой презумпции свободы воли.

Так же в современной юридической литературе высказываются предложения о целесообразности введения понятия правовой свободы, т. е. свободы, ограничиваемой номами права. Исходя из этого свобода представляет собой деятельность, поведение, действия человека, совершаемые им по желанному выбору, исходя из собственных убеждений, интересов, потребностей, без принуждения, угрожающего жизни и другим наиболее важным для человека ценностям, в соответствии с установленными

---

¹ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве: монография. – М., 2017. – С. 98.

² Шевелева С.В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // Lex Russica. – 2014. – № 7. – С. 854.

нормами права и приносящие своими результатами определенное удовлетворение¹.

В уголовно- правовой литературе считается аксиомой, что момент воли характерен для всех форм и видов вины. Применительно к умыслу это выражается в том, что : лицо желало наступления общественно опасных последствий или не желало их наступления, но допускало; применительно к неосторожности- лицо самонадеянно рассчитывало на предотвращение или не предвидело возможности наступления вредных последствий, но могло и должно было их предвидеть².

Исходя из этого за совершение деяния, которое нарушает установленную в законе норму, лицо будет нести за него уголовную ответственность, если деяние было выражением воли лица, и было выбрано им свободно, согласно его намерениям, без внешних и внутренних препятствий.

Таким образом содержание вины является центральным элементом вины, которое состоит из интеллектуального и волевого признака. А различные, предусмотренные законом сочетания интеллектуального и волевого элементов образуют две формы вины- умысел и неосторожность, по отношению к которым вина является родовым понятием.

1.3 Виновное вменение в уголовном праве зарубежных стран

Проблемами виновного вменения в той или иной мере занимались практически все крупные ученые – правоведы. Все они едины во мнении, что вина является неотъемлемой частью, обязательным признаком любого преступного деяния. Однако подходы к определению содержания данного признака далеко неоднозначны.

---

¹ Векленко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве: монография. – Омск, 2002. – С. 117.

² Лунеев В.В. Субъективное вменение. – С. 21.

В Германии господствующее положение занимает нормативная теория вины, данная теория первоначально определяла вину как упречность волеобразования, рассматриваемую сквозь призму норм права¹. Последователи теории несколько изменили это понятие, согласно их позиции, вина- не упречность волеобразования, а сама ошибочность воли, направленной на осуществление противоправного деяния.

Вина в немецкой теории не сводится к нормативному или психологическому пониманию и тем более к умыслу и неосторожности. Вина носит социально правовой характер и призвана легитимировать уголовное право. В теории подчеркивается, что вина выступает в качестве идеи, оправдывающей государственное принуждение, обосновывающей государственное принуждение, обосновывающей наказание данного субъекта, и критерия измерения наказания.

УК ФРГ не содержит понятия «вины», однако Верховный суд ФРГ сформулировал следующее понятие: «Вина- это упречность. С отрицательной оценкой вины субъект упрекается в том, что он действовал неправомерно, что он решился на противоправность, хотя, действуя правомерно, он мог решить в пользу права...Внутреннее основание упрека в вине состоит в том, что человек ориентирован на свободное, ответственное, нравственное самоопределение и поэтому способен решить для права и против права...».²

Умысел и неосторожность – различные формы вины как элемента состава преступления, где умысел – более высокая степень вины, а неосторожность – более низкая. Для умысла характерно враждебное отношение к праву или безразличное отношение к правовым нормам, а неосторожность характеризуется, небрежным или беззаботным отношением субъекта к требованиям проявления заботливости, содержащемуся в правопорядке»³.

---

¹ Лясс Н.В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях. – Ленинград, 1997. – С. 50.

² Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 34.

³ Жалинский А.Э. Современное уголовное право. – М.: Проспект, 2004. – С. 227 – 229.

Во французской уголовно-правовой литературе господствующее положение занимает теория психологического понятия вины. Еще в позапрошлом веке в учебнике Мари разумение, как волимое и сознаваемое отношение субъекта к результату, рассматривалось как сущность виновности, позднее вина определялась как противоправное направление воли, которая осуществляется действием (или бездействием) личности.

Общее определение вины отсутствует в действующем УК Франции. В доктрине конструкция вины строится на основе понятий общей (минимальной) вины, которая является своеобразным «минимумом» психологического признака любого преступного деяния. Общая вина состоит в общем волевом моменте, т.к. любое деяние вменяемого лица при отсутствии форс-мажорных обстоятельств является волевым актом, поскольку в самом деянии содержится не только материальный, но и психологический его элемент. В постановлении Кассационного Суда Франции от 13 декабря 1956 года содержалось положение о том, что «любое преступное деяние, даже неумышленное, предполагает, что его исполнитель действовал с умом и желанием».

Во французской уголовно-правовой доктрине можно выделить три формы вины: умысел, неосторожная вина и презюмируемая вина, которая выделяется в нарушениях.

Умышленная вина характеризуется осознанием незаконного характера своего поведения и направленностью воли на достижение запрещенного в уголовно-правовой норме результата. Все преступления по УК Франции являются умышленными деяниями, проступки могут быть как умышленными, так и неосторожными. Также в законе используется термин «предумысел». Предумышленность выступает в качестве квалифицирующего (п.9 ст. 222-3 УК Франции) признака преступления.

Неумышленные правонарушения относятся к проступкам. Поведение исполнителя при неумышленной вине также является сознательным и волевым, но лицо не стремится к вредному последствию. Во французской

доктрине подчеркивается, что «если воля ненаправленная; если умысел- это воля, направленная к незаконному результату, который исполнитель осознает, то неосторожность- это непредвидение результата, когда исполнитель не обдумывает риск его неожиданного проявления. Следовательно, неосторожность состоит в ослаблении бдительности; реализуя непрерывно материальный элемент преступного деяния, исполнитель чаще всего поступает так, как не поступил бы осмотрительный человек».

Наравне с этим, выделяется еще и презюмируемая вина , она имеет место в нарушениях. Суть состоит в том, что судья не обязан устанавливать форму вины в нарушениях, поскольку она предполагается.

Основным источником уголовного права Италии является Уголовный кодекс Италии , принятый 1930 году. Субъективным элементом преступления согласно УК И является вина, то есть психическое отношение лица к своему деянию и вредному результату.

В статье 42 УК Италии закрепляется психологический элемент преступления: « Никто не может быть наказан за действие или бездействие, предусмотренное законом как уголовное правонарушение, если оно не совершено осознанно и по своей воле».Основной формой вины является умысел, а неосторожность наказуема только при прямом указании в законе (ст. 42 УК Италии), однако в УК Италии предусматривает три формы вины, помимо умысла и неосторожности выделяется претеринтенциональность.

В соответствии со ст. 43 УК Италии, «преступление признается умышленным или соответствующим намерению, когда опасный и вредоносный результат является следствием действия или бездействия, нарушающего закон, и от которого зависит по закону наличие преступления, осознавался субъектом и желался как последствие его добровольного действия или невыполнения юридической обязанности» из этого определения мы видим, что законодатель выделяют только прямой умысел, но в доктрине описывается и косвенный, который как и в российском уголовном

праве различается по волевому элементу. Также в данной статье определяется, что «неосторожным признается деяние, результатом которого, является следствие, не желаемое субъектом и причиненное по небрежности, опрометчивости или неопытности, либо из- за несоблюдения законов, правил, распоряжений или уставов».

Третья форма вины – претеринтенциональная имеется тогда, когда действие или бездействие порождает более тяжкий или вредный результат, чем тот который ожидал субъект, хотя здесь не называется неосторожное отношение к последствию, данная конструкция напоминает ст. 27 УК РФ. Данное понятие рассматривается как смешение умысла и объективного вменения.

Еще одной особенностью УК Италии является наличие нормы об объективной ответственности. В части 3 статьи 42 УК говорится, что закон определяет случаи, в которых преступный результат иным образом вменяется в вину субъекту как следствие его действия или бездействия. В данном случае речь идет о вменении на основании одной лишь причинной связи между действием (бездействием) и результатом.

В английском уголовном праве психологическая теория вины также издавна оказывает большое влияние. Так, И. Бентам более века назад считал, что при рассмотрении преступного деяния должны учитываться: «1) Сам акт, который совершен. 2) Обстоятельства, при которых он совершен. 3) намеренность, которая могла сопровождать его. 4) Сознательность, неосознанность или ложная сознательность, которая могла сопровождать его». Уголовная ответственность строится на принципе единства виновного действия и виновной воли. Психическое состояние обозначается термином – *mens rea*, а материальный признак- *actus reus*. Отсутствие *mens rea* свидетельствует о наличии невиновного действия. *Mens rea* обычно используют для характеристики душевного состояния и трактуется как аморальный мотив, порочная воля, злой разум и т.п. Английское законодательство не содержит определения вины, ее форм и видов, однако

изучение судебной практики и доктрины позволяет выделить три типичные формы *mens rea*:

1. Намерение. В решении Палаты лордов по делу об убийстве было определено, что «вопрос о намерении может быть разрешен положительно, только если обвиняемый предвидел смерть или тяжкий телесный вред как практически неизбежный результат своих действий. Кроме того, намеренным может считаться результат, который был желаемым обвиняемым».

2. Неосторожность. Можно выделить три наиболее значимых признака, которые судебная практика относит к неосторожности: 1) наличие реальной осведомленности лица о риске наступления последствия или наличия какого-либо обстоятельства; 2) достаточно осведомленности о любой степени реальности риска, даже самой незначительной, но при этом неизбежность последствий свидетельствует о наличии намерения; 3) риск должен быть неоправданным и необоснованным, при этом риск оценивают присяжные.

3. Небрежность. Основополагающим прецедентом применительно к преступной небрежности является решение Палаты лордов по делу Адомако (1994). На основе этого решения можно выделить два элемента небрежности: нарушение возложенной обязанности, грубое нарушение обязанности, нарушение является грубым, если допускается отступление от общепринятого стандарта осторожности.

В отдельных случаях лицо привлекается к ответственности без установления вины. Эти деяния называются преступлениями строгой или абсолютной ответственности.

В англо-американском уголовном праве определения вины несколько противоречивы. Одни авторы трактуют вину как субъективное состояние, характеризующее интеллектуальными и волевыми моментами, большинство под виной понимают психическое состояние лица, совершающего противоправное деяние. И при этом одни говорят о способности сознавать, другие – о намерении и знании, третьи – о сознании и желании, четвертые – о

порицаемом психическом состоянии, пятое – о «любом» психическом состоянии и т.д.

Американские юристы предприняли попытку обеспечить единство в понимании и реализации принципа виновного вменения, выразалось это в статьях Примерного уголовного кодекса США. Статья 2.02 устанавливает, что «лицо не является виновным в совершении посягательства, если оно не действовало с целью, заведомо, опрометчиво или небрежно, в зависимости от того, что требуется по закону в отношении каждого из материальных элементов этого посягательства»¹.

Также статья 2.02 имеет определение форм виновности:

1. С целью. Лицо действует с целью в отношении материального элемента посягательства в случаях: 1) если означенный элемент включает в себя характер его поведения или результат поведения, – его сознательная цель состоит в осуществлении такого поведения или в причинении такого результата; 2) если означенный элемент включает в себя сопутствующие обстоятельства, оно сознает существование таких обстоятельств или предполагает или надеется на то, что они существуют.
2. Заведомо. Лицо действует заведомо в отношении материального элемента посягательства в случаях: 1) если означенный элемент включает в себя характер его поведения или сопутствующие обстоятельства, — оно сознает, что его поведение имеет такой характер, или что такие сопутствующие обстоятельства существуют; 2) если означенный элемент включает в себя результат его поведения, – оно сознает, что его поведение практически наверняка причинит такой результат.
3. Опрометчиво. Лицо действует опрометчиво в отношении материального элемента посягательства в случаях, когда оно сознательно пренебрегает существенным и неоправданным риском того, что означенный материальный элемент существует или возникнет в результате его поведения. Этот риск

---

¹ Примерный уголовный кодекс США / под ред. Б. С. Никифоров. – М., 1964. [Электронный ресурс]. – <http://lawlibrary.ru/izdanie7916.html>. – С. 22.

должен быть такого характера и такой степени, что, с учетом характера и цели поведения деятеля, а также обстоятельств, которые ему известны, проявленное им пренебрежение включает в себя грубое отклонение от стандарта поведения, которого на месте деятеля придерживалось бы законопослушное лицо.

4. Небрежно. Лицо действует небрежно в отношении материального элемента посягательства в случаях, когда оно должно сознавать существенный и неоправданный риск того, что означенный материальный элемент существует или возникнет в результате его поведения. Этот риск должен быть такого характера и такой степени, что с учетом характера и цели поведения деятеля, а также обстоятельств, которые ему известны, неосознание его деятелем включает в себя грубое отклонение от стандарта осторожности, которого на месте деятеля придерживалось бы разумное лицо.

Однако существует исключение из данной статьи, предусмотренное ст. 2.05 «Требования виновности, не применяются: а) к посягательствам, составляющим нарушение, если соответствующее требование не включено в определение посягательства или суд не решит, что его применение совместимо с эффективным исполнением закона, определяющего данное посягательство; или б) к посягательствам, определенным не кодексом, а другими статутами, в тех пределах, в которых прямо выраженная цель законодателя состоит в установлении за эти посягательства или в отношении любого из их материальных элементов абсолютной ответственности»¹.

Психологическое понятие вины было подвергнуто достаточно серьезной критике со стороны антропологической и социологической школ уголовного права. Антропологическая школа предлагая биологическую теорию преступности, рассматривает преступное действие как симптом, а не основание наказуемости. Решающее значение приобретает вопрос не о вине, а к какой категории преступников должно быть отнесено лицо, ибо меры

---

¹ Там же. – С. 24.

наказания должны применяться в соответствии с типом преступника, а не его виной.

Социологическая школа предлагала заменить вину категорией «опасное состояние», сущность теории заключалась в том, что «человек- источник зла», а опасное состояние понимается как внутренне присущая человеку склонность к совершению преступления, на основании которой к нему следует применять превентивные меры наказания.

Субъективная сторона преступления по мусульманскомуголовному праву мало исследована в доктрине российского уголовного права. В мусульманском уголовном праве отсутствует общее учение о преступлении, однако под влиянием европейского права в арабской юридической литературе говорится об элементах, присущих преступлению: легальный, материальный и моральный элемент. В классическом исламском праве вина и преступление рассматривались как синонимичные понятия, они носили сакральную окраску, «Вина подразумевает собой переход границы дозволенного, именно в той ее части, которую обозначил Всевышний».

О намерении как элементе преступления при причинении смерти имеются указания в Коране: «Если же кто-либо убьет верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пребудет вечно. Аллах разгневался на него, проклянет его и приготовит ему великие мучения» (4:93). Относительно неумышленного причинения смерти священный текст гласит: «Кто бы ни убил верующего по ошибке, он должен освободить верующего раба и вручить семье убитого выкуп, если только они не пожертвуют им... Кто не сможет этого совершить, тому надлежит поститься в течении двух месяцев непрерывно в качестве покаяния перед Аллахом»(4: 92). Коран предусматривает более мягкое возмездие за причинение смерти по ошибке (ненамеренно). Ошибка исключает намерение, поэтому содеянное не может считаться грехом (33:5): «Нет на вас греха, в чем вы ошиблись, а только в том, что замыслили ваши сердца».

Таким образом в мусульманском уголовном праве преступление, связывается с намерением, неосторожное деяние либо вовсе не рассматривается как преступление, либо карается денежным наказанием.

Завершая анализ отражения вины в зарубежных странах, следует отметить, что на сегодняшний день существует три основных концепции в понимании вины:

1) теория опасного состояния, когда вина за совершенное деяние подменяется опасностью личности как таковой, а само деяние воспринимается как проявившийся во вне «симптом» опасного состояния;

2) оценочная (нормативная, этическая) теория, когда вина лица сводится к упречной оценке совершенного им деяния;

3) психологическая теория, рассматривающая вину как внутреннее психическое отношение лица к своим общественно опасным действиям, их вредным последствиям и иным правозначимым обстоятельствам совершения преступления.

Необходимо заметить, что процесс совершенствования института виновного вменения в некоторой степени является отражением уровня развития общества. Наука уголовного права должна находиться в постоянном поиске новых мер защиты прав и интересов от преступных посягательств, от того, насколько нормы уголовного закона соответствуют требованиям настоящего времени зависит эффективность их применения, а также прогрессивность развития общества.

2 ФОРМЫ И ВИДЫ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

2.1 Умысел и его виды

Развитие теоретических представлений об умысле в российской науке уголовного права исторически происходило в рамках общего учения о вине. Науке уголовного права известно достаточно много весьма различных и противоречивых определений умысла. Умысел – положительная злая воля, сознающая возможность наступления преступного результата от деяния; решимость воли на преступление с сознанием противоправности деяния (Фейербах); решимость на осуществление своей цели с сознанием противоправности (Грольман); равновесие между деянием и волей (Бернер); настроение преступной воли которая предвидит и желает наступления преступных последствий (Спасович); намерение совершить противозаконное действие для достижения известной цели путем наступления противозаконных последствий (Кистяковский); волевая деятельность, сознающая условия состава преступления и т.д.¹

Умысел наиболее распространенная в законе и на практике форма вины. Умысел рассматривается в уголовном законе как наиболее тяжкая форма вины по сравнению с неосторожностью. Такое понимание обусловлено такими причинами как:

1. Умышленное деяние, сознательно направленное на причинение вреда обществу создает большую вероятность фактического причинения этого вреда, чем неосторожное деяние. Субъект избирает такой способ действия, который заведомо для него может причинить вред, например, сознательно произведенный в человека выстрел создает наибольшую вероятность лишения жизни потерпевшего.

2. В умысле в наибольшей степени проявляется отрицательное отношение лица к интересам личности, общества, государства.

---

¹ Герцензон А.А. Уголовное право: Часть общая. – С. 330.

При прочих равных условиях умышленное преступление влечет более строгое наказание, чем аналогичное преступление, совершенное по неосторожности, а некоторые преступления влекут ответственность лишь при умышленном их совершении, и, конечно только за преступления совершенные с умыслом предусмотрена смертная казнь.

Необходимой предпосылкой установления умышленной формы вины является правильное понимание характерных признаков умысла.

УК РФ характеризует умысел как психическое отношение при котором лицо:

1. осознавало общественную опасность деяния;
2. предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий;
3. желало наступление последствий или сознательно допускало наступление этих последствий.

В соответствии с ч. 1 ст. 25 УК РФ умысел бывает прямым и косвенным.

Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ « Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления».

Прежде чем приступить к его характеристике хотим заметить, что интеллектуальные и волевые элементы должны определяться на момент совершения преступного поведения, а не до или не после него, то есть мы определяем сознательно- волевое отношение лица ко всем признакам состава в момент совершения деяния, что представляется правильным. Данный критерий необходим не только при определении форм вины, но и для определения невменяемости или ограниченной вменяемости.

Интеллектуальный элемент прямого умысла содержит следующие компоненты:

1. осознание общественной опасности деяния и его противоправности ;

2. предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий.

Осознание общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидение общественно опасных последствий определяют процессы, протекающие в сфере сознания, поэтому они составляют интеллектуальный элемент прямого умысла, а желание наступления указанных последствий, определяя волевую сторону психической деятельности, образуя волевой элемент прямого умысла. Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий означает и предвидение причинной связи между совершенным деянием и его общественно опасным последствием¹.

Ф. Лист, характеризуя интеллектуальный момент умысла писал: «Для умысла требуется представление о всех обстоятельствах дела, входящих в понятие преступления (включая и последствия). Если в представлении отсутствует хотя бы один из этих признаков, умысел исключен и может иметь место неосторожность»².

Умысел представляет собой отражение в психике человека важнейших фактических и социальных свойств совершаемого деяния. Поскольку главным социальным признаком преступного деяния, определяющим его материальное содержание, является общественная опасность, то в содержание умысла прежде всего включено осознание общественно опасного характера деяния. Из этого следует, что предметом сознания при умысле являются, во первых, фактическое содержание совершаемого деяния и , во-вторых его социальное значение. Если деяние по своим фактическим свойствам может причинить вред определенным общественным отношениям, которые подпадают под охрану уголовного закона, оно будет считаться общественно опасным. Направленность деяния на конкретный объект, является одним из критериев общественной опасности, и это должно

---

¹ Пинчук В.И. Вина: Учебное пособие. СПб., 1998, – С. 9.

² Там же. – С. 10.

сознаваться лицом, которое действует умышленно, понимается осознание лицом объекта не обозначает его юридической определенности.

Осознание общественно опасного характера совершаемого деяния помогает не только отражение объекта преступления, но и понимание социального значения всех фактических свойств совершаемого деяния. К таким свойствам относятся место, время способ, обстановка совершаемого преступления, которые, будучи включенными законодателем в объективную сторону преступления, содержат дополнительную характеристику действия или бездействия, становятся их индивидуальными фактическими признаками. Так, лицо совершающее кражу, осознает, что осуществляет изъятие чужого имущества, а также и то, что имущество изымается тайным способом. Также лицо осуществляющее незаконную охоту на особо охраняемой природной территории, осознает, что осуществляет охоту незаконно, а также то, что он действует, на особо охраняемой территории, то есть в определенном месте. В данных примерах речь идет о том, что лицо осознает дополнительные признаки действия, которые придают деянию новые социальные качества и влияют на степень его общественной опасности.

Вторым интеллектуальным признаком прямого умысла в преступлениях с материальным составом является предвидение общественно опасных последствий совершаемого деяния. Под предвидением подразумевается отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем. При прямом умысле предвидение включает представление о фактическом содержании предстоящих изменений в объекте преступления, понимание их социального значения, а также осознание причинно-следственной зависимости между собственным деянием и его общественно опасными последствиями¹. Также для прямого умысла характерно предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий.

---

¹ Рагог А.И. Указ. соч. – С. 66.

Волевой элемент прямого умысла, характеризующий направленность воли субъекта, определяется в УК РФ как желание наступления последствий.

Процесс формирования желания рассматривается как совокупность следующих этапов:

- 1) ощущение определенной потребности;
- 2) превращение ее в побуждение к действию, то есть в мотив преступления;
- 3) постановка цели, достижение которой должно прямо удовлетворять ощущаемую потребность или служить средством ее удовлетворения;
- 4) желание достичь поставленной цели.

Итак, желание как элемент умысла заключается в стремлении к определенным последствиям, в восприятии их как нужных для удовлетворения ощущаемой потребности посредством совершения преступления.

А при совершении преступления с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в желании совершить общественно опасные действия, запрещенные уголовным законом.

Вторым видом умысла, которые выделяет законодатель является косвенный умысел, согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ он заключается в том, что лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Также как и при прямом умысле лицо должно осознавать общественную опасность. А вот относительно характера предвидения в науке уголовного права высказываются две точки зрения. Первая группа ученых считают, что лицо, которое действует с косвенным умыслом предвидит возможность либо неизбежность наступления общественно опасных последствий, а другие полагают, что лицо предвидит лишь возможность их наступления, данная точка зрения нашла поддержку и на практике.

Возможность наступления последствий как предмет предвидения при косвенном умысле в литературе нередко определяется как «реальная», термин «реальная возможность» передает характер предвидения, то есть субъект считает эти последствия закономерным результатом развития причинной связи именно в данном конкретном случае.

Неодинаковый характер предвидения, является различительной чертой обоих видов умысла. При прямом умысле виновный предвидит неизбежность, либо реальную возможность наступления общественно опасных последствий, а при косвенном- только реальную возможность. Но, основным отличием косвенного умысла от прямого заключается в волевом элементе: прямой умысел характеризуется желанием, а косвенный- сознательным допущением наступления общественно опасных последствий либо безразличном к ним отношением.

При характеристике косвенного умысла слова «не желало» нельзя понимать как негативное отношение к вредным последствиям, как активное их не желание, то есть стремление избежать наступления последствий. Наоборот, это отношение является позитивным, одобрительным, хотя у виновного и нет прямой заинтересованности в причинении вредных последствий.

Приговором Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 31.10.2017 г. было установлено, что в ходе распития между К. и С. произошел конфликт. К. стал ругаться на него нецензурной бранью, вел себя агрессивно. С. опасаясь его агрессии, встал со стула и нанес К. не менее 3-х ударов кулаком правой руки по лицу. К. успокоился и попросил его не бить. Они продолжили распивать спиртное. К 22.00 часам К. снова стал ругаться нецензурной бранью на С. выгонять его из дома. У него возникла неприязнь к К. и он решил причинить ему боль и вред здоровью, для чего он взял со стола в правую руку нож, привстал со стула и умышленно нанес не менее двух ударов клинком ножа в шею К. слева. Он был нетрезв и допускает, что ударов было более двух и все они наносились в область

головой. Он понимал, что своими действиями может убить К., но относился к этому безразлично. От его ударов К. упал на пол между столом и шкафом и стал хрипеть. Он с Ш. выпили еще и легли спать¹. С. осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, а именно смерти потерпевшего, о чем сам пояснял в своих показаниях, не желал, но сознательно допускал наступления этих последствий (не оказав первой помощи, не вызвав скорую помощь, *лег спать*), т.е. налицо *косвенный* умысел на убийство. Также необходимо отметить, что суд указывает на то, что не оказание помощи не является обязательным элементом для установления косвенного умысла, что является верным.

Помимо деления умысла на прямой и косвенный, теория и практика уголовного права знают и иные классификации видов умысла.

По моменту формирования умысел принято делить на:

1) заранее обдуманый, 2) внезапно возникший, 3) аффектированный.

Заранее обдуманый характеризуется тем, что с момента его возникновения до момента реализации проходит более или менее значительный отрезок времени, в течении которого у субъект осуществляет определенную психическую деятельность. Подобный разрыв во времени свидетельствует о более тщательной подготовленности к преступному деянию, что повышает общественную опасность преступления.

Приговором Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга было установлено, что М. совершил угон, группой ли по предварительному сговору, при следующих обстоятельствах: М. и Б. увидели припаркованный автомобиль, принадлежащий И., М. предложил Б. угнать данный автомобиль, чтобы покататься, Б. согласился. Реализуя умысел они подошли к автомобилю и осмотрели его, заметив, что фиксатор внутренней блокировки открыт, Б. открыл переднюю пассажирскую дверь и сел на пассажирское

---

¹ Приговор по делу № 1-20/2017 от 11 октября 2017 года Ленинского районного суда г. Магнитогорска.

сиденье. Затем Б. открыл водительскую дверь автомашины, и М. сел на водительское сиденье. Получив доступ в салон автомашины, реализуя преступный умысел, действуя согласованно, сломали противоугонную блокировку руля. После чего М. выдернул провода зажигания, соединил их и запустил двигатель автомобиля. Суд квалифицировал действия М. по ч.2 ст. 166 УК РФ¹, но не указав п. «а». Данное деяние наглядно показывает нам, что между задуманным и деянием имеется не значительный отрезок во времени, в процессе которого М. предложил Б. осуществить угон совместно.

Для внезапно возникшего умысла характерно то, что умысел, который возник у лица в нормальном психологическом состоянии, реализуется сразу или через маленький(короткий) промежуток времени после возникновения, как правило при внезапно возникшем умисле снижается возможность тщательной подготовки лица.

При аффектированном умисле делается акцент на психологическом механизме формирования умысла. Поводом для его возникновения являются противоправные или аморальные действия потерпевшего, способные вызвать состояние внезапного сильного душевного волнения, которое затрудняет сознательный контроль над волевыми процессами. Аффектированный умысел выделяют как самостоятельный вид лишь потому, что он рассматривается как основание смягчения ответственности за умышленное причинение вреда, и считается то, что при аффектированном умисле в меньшей степени проявляется антисоциальная установка личности².

Другим классификационным критерием деления умысла на категории является степень определенности представлений субъекта о последствиях совершаемого им общественно опасного деяния. В этом случае принято разделять умысел на определенный(конкретизированный) и неопределенный (неконкретизированный).

---

¹ Приговор по делу № 1 – 34/ 2016 от 9 марта 2016 года Орджониидзевского районного суда г. Екатеринбурга.

² Векленко С.В. Указ. соч. – С. 151.

Определенный характеризуется наличием конкретного представления о качественных и количественных показателях важнейших свойств деяния, определяющих его юридическую сущность, то есть у субъекта должно быть четкое представление о каком – то одном индивидуально определенном результате.

Особое практическое значение имеет неопределенный умысел, который выражается в том, что виновный предвидит возможность наступления не одного конкретного последствия, а несколько возможных и в тоже время одинаково относится к их наступлению то есть желает их наступления или сознательно допускает.

На ряду с неопределенным умыслом в науке указывается и на альтернативный умысле, который отличается тем, что количество предвиденных виновным общественно опасных последствий его деяния ограничено, а сами эти последствия осознаются им с достаточной определенностью¹.

Судебная практика сводится к тому, что при наличии неопределенного умысла его действия квалифицируются в зависимости от наступивших последствий. Например, производя прицельные выстрелы в преследующего сотрудника полиции , убегающий преступник предвидит как возможность причинения вреда здоровью полицейского, так и возможность причинения ему смерти. Не стремясь достичь конкретного варианта преступного результата , правонарушитель допускает возможность наступления любого из них².

Практическое значение рассмотренных классификаций состоит в том, что они позволяют детальнее рассмотреть психологический механизм преступного деяния и в соответствии с этим более точно определить меру ответственности виновного.

---

¹ Пинчук В.И. Указ. соч. – С. 16.

² Векленко С.В. Указ. соч. – С. 152.

Деление умысла на прямой и косвенный имеет значение для отграничения покушения на преступление от оконченного преступления, поскольку теория уголовного права и судебная практика ограничивают возможность покушения на преступление лишь кругом преступлений с прямым умыслом.

Так, Приговором Верхнепышминского городского суда Свердловской области было установлено К. совершил умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья. Реализуя свой преступный умысел, К. вышел на лестничную клетку из своей квартиры к А., где нанес ему не менее 2 ударов ножом в область груди, от которых А увернулся, продолжая умысел нанес не менее 1 удара ножом в область груди. В это время В. пресек действия К., после чего К. зашел обратно в квартиру. В результате действий К. были причинены телесные повреждения, расценивающиеся как легкий вред здоровью. Суд квалифицировал действия К. по п. «в» ч.2 ст. 115 УК РФ¹.

По нашему убеждению, суд совершил ошибку при квалификации действий К., в том что не дал оценку, тому что действия были пресечены, то есть К. не довел преступный умысел до конца, по независящим от него обстоятельствам и причинил А. только легкий вред здоровью в виде колото-резанной раны области груди чуть правее средней линии. В данном случае действия К. были на умышленное причинение смерти другому лицу. Исходя из обстоятельств нам не представляется возможным установить косвенный умысел лица, то есть определить его безразличность по отношению к смерти или предвидение в виде реальной возможности, т.к. действия были пресечены.

В юридической науке существуют разные точки зрения на уровень общественной опасности рассмотренных видов умысла. Так, Злобин Г.А., Никифоров Б.С. считают, что «деление умысла на прямой и косвенный,

---

¹ Приговор по делу № 1 – 57/2016 от 10 февраля 2016 года Верхнепышминского городского суда Свердловской области.

определенный и неопределенный с оценкой общественной опасности преступления непосредственно не связано»¹. Ученые видят сущность данной классификации в стремлении создать полную модель умысла и тем самым охватить единым понятием умышленной вины разные формы психологического отношения субъекта к своему преступлению, существенная и юридическая тождественность, которых порой не очевидна. Иными словами данная позиция заключается в том, что независимо общественной опасности деяния желание наступления общественно опасных последствий и их сознательное допущение образуют умысел, хотя и разными формами проявления. Однако А.И. Рарог, А. В. Наумов, не согласны с такой точкой зрения, они считают, что виды умысла связаны со степенью общественной опасности и что общественная опасность преступлений с прямым умыслом, выше, чем совершенных с косвенным, это связано с тем, что при совершении преступления с прямым умыслом сознание и воля виновного непосредственно направлена на совершение общественно опасного деяния и причинение преступных последствий, и по нашему мнению, с такой позицией трудно не согласиться.

2.2 Неосторожность и ее виды

Согласно исследованиям неосторожные преступления оставляют лишь небольшую часть от всей массы совершаемых преступлений, примерно 8-10 %, но не уделить им достаточного внимания было бы не правильным, так как в условиях научно- технического прогресса количество неосторожных преступлений возрастает, а подобные деяния способны причинить колоссальный экономический, экологический, организационный и иной вред, а гибель людей чаще наступает из-за неосторожных преступлений, чем от убийств.

---

¹ Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., 1972. – С. 109.

Исходя из этого можно говорить, о том, что данная форма вины имеет большую общественную опасность в социальном смысле, а если же рассматривать неосторожную форму с точки зрения уголовно- правовой науки, то неосторожность менее опасная форма по сравнению с умыслом. Данную дифференциацию мы можем наблюдать и из существенного различия в санкциях уголовно- правовых норм, устанавливающих ответственность за причинение одних и тех же последствий умышленно или по неосторожности (например, ст. 105 и 109, 111 и ст. 118, 167 и 168 УК РФ).

Неосторожность впервые была выделена в средневековой итальянской доктрине из непрямого умысла¹. Истории зарубежного уголовного права известны весьма разнообразные определения неосторожной формы вины: противозаконная решимость воли на деяние, из которого без намерения субъекта происходит преступление (Фейербах); решимость осуществить свою цель при отсутствии уверенности в ненаступлении преступных последствий (Грольман); решимость на действие, противозаконные последствия которого можно было своевременно усмотреть; бессознательно противоправная воля (Биндинг); непредвидение доступного предвидению последствия при осуществлении воли (Лист); недоразвитость рефлексов поведения и т.д.².

В действующих законодательствах многих государств, устанавливающих уголовную ответственность за неосторожные преступления, наметились две основные тенденции: 1) расширение сферы уголовно наказуемой неосторожности; 2) усиление санкций за отдельные неосторожные преступления, причиняющие тяжкие последствия или создающие реальную угрозу наступления таких последствий.

В Уголовном кодексе РФ содержится более восьмидесяти статей, в которых предусмотрена ответственность за преступления, совершаемые по неосторожности, либо за умышленные деяния, которыми по неосторожности

---

¹ Назаренко Г.В. Русское уголовное право: Общая часть. – С. 90.

² Векленко С.В. Указ. соч. – С. 153.

причиняется вред здоровью, личности или материальный ущерб государству и гражданам. Далекo не все из этих составов эффективно используются правоохранительными органами в борьбе с преступностью, что во многом связано и с нечеткостью законодательных конструкций, и с неоднозначностью их доктринального и легального толкования.

Анализ субъективной стороны преступления предполагает установление не только формы вины, но также вида неосторожности как в случаях, когда преступление является неосторожным, так и в случаях, когда неосторожность в соответствии с законодательным описанием преступления является возможной формой вины наряду с умыслом.

Законодатель различает два вида неосторожности: легкомыслие и небрежность.

Согласно части 2 ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. Из текста данной нормы мы видим, что при определении легкомыслия законодатель не касается психического отношения лица к совершаемому общественно опасному деянию, а ограничивается только характеристикой отношения к последствиям. Из-за этого некоторые ученые полагают, что при этом виде неосторожности у субъекта отсутствует осознание общественной опасности совершаемого деяния, что признаком легкомыслия является лишь обязанность и возможность такого осознания¹. Однако другие считают, что лишь исходя из отрицательной социальной оценки возможных последствий, субъект, действующий по легкомыслию, стремится к предотвращению этих последствий, следовательно, осознание общественной опасности входит в содержание легкомыслия.

---

¹ Дагель П.С. Неосторожность, уголовно- правовые и криминологические проблемы. М., 1997. – С. 120.

Отсутствие характеристики психического отношения к деянию в норме ч.2 ст. 26 УК РФ можно объяснить следующими доводами:

1. Согласно ч.2 ст. 24 УК РФ ответственность за неосторожность наступает только, если она установлена законом, и если наступили предусмотренные законом общественно опасные последствия, поэтому отношение к деянию ни какой роли не играет, как, например, при умысле, который может влечь ответственность и без наступления общественно опасных последствий, в частности за преступления с формальным составом или неоконченные преступления.

2. Последствия это объективный признак, который придает неосторожному поведению качество общественной опасности, поэтому отношение к последствию это и есть отношение к общественной опасности деяния.

Исходя из этого по общему правилу субъект действующий легкомысленно осознает общественную опасность совершаемого деяния, которое влечет общественно опасные последствия, хотя данное положение и не установлено законом, и не подлежит неперемennomу установлению правоприменителем. Данный признак составляет первый признак интеллектуального элемента легкомыслия.

Следующим признаком интеллектуального элемента является в предвидение возможности наступления общественно опасных последствий. При легкомыслии субъект предвидит абстрактную возможность наступления последствий, другими словами, осознает лишь абстрактную опасность такого рода деятельности, он представляет, что вообще подобные действия могут вызвать общественно опасное последствие, но исключает реальную опасность в данном конкретном случае¹.

Приговором Центрального районного суда города Челябинска было установлено, что между Д. и ранее ему незнакомым С. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошла ссора, в ходе

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. – С. 95.

которой Д. умышленно нанес С. не менее одного удара рукой в область головы, от которого потерпевший упал, ударившись головой об асфальт, после этого Д. нанес лежащему на спине С. еще один удар рукой в область головы, в результате падения С. получил открытую черепно- мозговую травму, повлекшую смерть. При этом суд не усматривает прямой причинно- следственной связи между ударом и наступлением его смерти, поскольку черепно- мозговая травма была причинена ему при падении на землю. Д не предвидел возможности причинения смерти, однако должен был и мог предвидеть возможность утраты потерпевшим равновесия, а следовательно его падение, и исходя из того, что был нанесен лишь один сильный удар в голову и причинение травмы в результате падения, суд приходит к выводу об отсутствии у Д. умысла на причинении тяжкого вреда здоровью, а действия Д. квалифицирует по ч.1 ст. 109 УК РФ¹. Суд апелляционной инстанции решил приговор первой инстанции отменить, а действия Д. квалифицировать по ч. 4 ст. 111 УК РФ, аргументируя это тем, что смерть С. наступила от однократного травматического воздействия тупого твердого предмета на область волосистой части головы слева. Между открытой черепно-мозговой травмой, ее осложнениями и смертью потерпевшего усматривается причинная связь. Также Д. обладая достаточной физической силой , зная, что нанесение удара в область головы может привести к причинению тяжкого вреда здоровью человека, осознавая, что от этого удара С. может упасть на асфальт, нанес рукой резкий, целенаправленный удар в область головы. Суд расценивает действия Д. как совершенные с косвенным умыслом , при котором Д. предвидел и сознательно допускал как падение потерпевшего на асфальт с высоты собственного роста, так и получение при этом любого вида вреда здоровью, в том числе и тяжкого².

---

¹ Приговор по делу № 1-127/2016 от 1 июня 2016 года Центрального районного суда г. Челябинска.

² Апелляционный приговор по делу № 10-4169/2016 от 30 августа 2016 года Челябинского областного суда.

По нашему мнению деяние лица следует квалифицировать по ч. 1 ст. 109 УК РФ с неосторожной формой вины в виде легкомыслия. Лицо абстрактно предвидит наступление последствий, то есть в данный момент лицо должно осознавать абстрактную возможность наступления смерти, Д. обладая достаточной физической силой и сознавая, что потерпевший находится в состоянии алкогольного опьянения нанес рукой резкий, целенаправленный удар в область головы, при этом сознавая возможность падения С. На основании показаний эксперта от удара кулаком по голове таких повреждений не наступает, а повреждения были причинены от удара об асфальт при падении. Следовательно это исключает квалификацию по ч.4 ст. 111 УК РФ.

Данный пример наглядно показывает, то что на практике установление вида неосторожности и отграничение ее от преступления, совершенного с двумя формами вины, представляется сложным процессом, а судам это необходимо делать для индивидуализации наказания, определения размера и вида наказания.

Анализ субъективной стороны преступления предполагает установление не только формы вины, но также вида неосторожности. При легкомыслии субъект предвидит абстрактную возможность наступления последствий, другими словами, осознает лишь абстрактную опасность такого рода деятельности, он представляет, что вообще подобные действия могут вызвать общественно опасное последствие, но исключает реальную опасность в данном конкретном случае.

Третьим интеллектуальным признаком легкомыслия является осознание субъектом способности предотвратить наступление общественно опасных последствий, в этом признаке отражается специфика волевого элемента легкомыслия, который характеризуется самонадеянным расчетом на предотвращение общественно опасных последствий. При легкомыслии отсутствует желание и сознательное допущение этих последствий и субъект стремится не допустить их наступления, относится к ним отрицательно.

Сознание и воля лица не безразличны к возможным отрицательным последствиям, а направлены на их предотвращение, расчет на предотвращение общественно опасных последствий своего деяния означает отсутствие у лица положительного одобрительного отношения к наступлению этих последствий. Наоборот, он означает отрицательное отношение к ним, нежелание их, стремление избежать их наступления. В основе этого расчета должны лежать конкретные фактические обстоятельства, при этом расчет оказывается самонадеянным из-за несерьезного подхода у оценке этих обстоятельств. Для констатации легкомыслия суд должен по каждому делу установить, на каких реальных факторах строился расчет виновного избежать общественно опасных последствий.

Приговором Агаповского районного суда Челябинской области от 15.02.2017 было установлено, что гражданин Ш. осознавая то, что нарушает Правила безопасного обращения с оружием, поскольку имеющееся у него охотничье ружье было заряжено и готово к выстрелу, хотя должно было транспортироваться разряженным и упакованным в транспортную тару, футляр или чехол, а патроны при перевозке и транспортировании должны были быть упакованы в одну укупорку с оружием без досылания в патронник, снаряжения магазина или барабана, что нельзя направлять заряженное или незаряженное оружие на человека, но легкомысленно и самонадеянно рассчитывая предотвратить общественно-опасные последствия, сел на пассажирское сиденье автомобиля и направил в сторону потерпевшего свое охотничье ружье. Во время движения транспортного средства Ш. достоверно зная правила обращения с оружием, допустил преступное легкомыслие и, самонадеянно рассчитывая предотвратить общественно-опасные последствия, удерживал заряженное патроном пригодным для производства выстрела охотничье ружье левой рукой в области цевья, а правой – в области спусковой скобы, не поставленное на предохранитель, направленное дульным срезом в направлении потерпевшего.

Во время движения автомобиля их подкинуло на кочке и Ш. неосторожно сместил правую руку, расположенную в районе спусковой скобы, и нажал на спусковой крючок ружья, произведя таким образом выстрел в находящегося в непосредственной близости Х., Х. было причинено огнестрельное ранение в жизненно важные органы, в следствии чего Х. скончался. Суд признал виновным Ш. в преступлении предусмотренного ч.1 ст. 109 УК РФ¹.

Данный пример наглядно показывает нам, что гражданин Ш. предвидел абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), так как он осознавал какие последствия возможны, если пренебрегать правилами безопасного обращения с оружием, из материалов дела следует, что он проходил обучение и имел сертификат о его прохождении, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий. Х. также видел, что Ш. заряжает ружье, и то что он ехал с заряженным ружьем в машине Х. тоже осознавал, то есть Ш. не желал наступления данных последствий.

Преступления совершенные с легкомыслием ранее именовались, как совершенные самонадеянно, хотя законодатель закрепил деление неосторожности на два вида, в уголовно- правовой науке сложилось несколько мнений по этому поводу. Анализ научной литературы показал, что ряд авторов одобрили действия законодателя по замене понятия «самонадеянность» на «легкомыслие» в определении вида неосторожности (А.И. Рарог, В.А. Нерсесян и др.), некоторые приняли отрицательно данную законодательную новеллу (Г.В. Нозаренко, А.В. Наумов). Некоторые ученые высказали предложения по совершенствованию законодательной дефиниции легкомыслия как вида неосторожности (Г.В. Верина, А.П. Козлов, В.В. Лунеев). Иные исследователи предложили рассматривать легкомыслие в качестве разновидности умышленной формы вины (С.В. Векленко, С.В. Складов, И.К. Котов). Также были высказаны мнения о необходимости

---

¹ Приговор по делу № 1 –11/2017 от 15 февраля 2017 года Агаповского районного суда Челябинской области [Электронный ресурс]. – <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument>.

унификации видов преступной неосторожности (И.И. Бикеев, Д.А. Чапышев).

По мнению Недопекиной Т.Б., законодательная трактовка видов неосторожности не отражает особенностей психического отношения субъекта к деянию и его последствиям в момент совершения преступления. В связи с этим ей представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить деление неосторожной формы вины на три вида: легкомыслие, самонадеянность и небрежность¹.

Недопекиной Т.Б. предложены новые дефиниции преступного легкомыслия и самонадеянности.

Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело потенциальную возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействий), но без достаточных к тому оснований рассчитывало, с учетом конкретных обстоятельств, не зависящих от него, на их ненаступление.

Преступление признается совершенным по самонадеянности, если лицо предвидело абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействий), но без достаточных к тому оснований было уверено в их предотвращении с помощью своих собственных возможностей.

Данные виды вины целесообразно рассматривать в рамках психолого-оценочной концепции вины, согласно которой неосторожность- это интеллектуально- волевое отношение лица к своему общественно опасному деянию и его последствиям, выраженное в виде легкомыслия, самонадеянности и небрежности.

Различия указанных видов по интеллектуальному элементу заключается в характере возможности предвидения преступных последствий: при

---

¹Недопекина Т.Б. Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – С. 20.

легкомыслии лицо предвидит потенциальную возможность наступления общественно опасных последствий, а при самонадеянности- абстрактную. Предвидение потенциальной возможности означает предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий в конкретной, сложившейся ситуации, когда обстоятельства, на которые оно возлагает надежду, окажутся неспособными предотвратить преступный результат. Предвидение абстрактной возможности заключается в предвидении типичных последствий, которые, по мнению виновного, не могут наступить в данной ситуации в силу того, что он направит свои волевые усилия на их предотвращение. Иными словами, потенциальная и абстрактная возможности- это различные понятия с точки зрения психологического отношения виновного к содеянному.

Основное отличие легкомыслия от самонадеянности кроется в волевом элементе. Волевой элемент легкомыслия составляет расчет лица с учетом реальных обстоятельств, не зависящих от его действий и возможностей (особенности обстановки, действия других лиц, свойства механизмов), на ненаступление преступного результата. Волевой элемент самонадеянности выражается в уверенности лица собственными силами (сила, ловкость, навыки, умения) предотвратить общественно опасные последствия.

Такая позиция автора имеет место для существования, она дает возможность изучить данный подинститут с другой стороны, отличной от законодательной точки зрения. Однако практического значения, по нашему мнению, для правоприменителя она не имеет, так как правоприменитель обязан руководствоваться законом.

Вторым видом неосторожности является небрежность. Согласно части 3 ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия. Таким образом, законодателем прямо устанавливается

возможность привлечения лица, к уголовной ответственности, которое на момент совершения преступления не предвидело, а значит не осознавало наступление общественно опасных последствий. Сформировавшееся в современной теории уголовного права субъективистское представление об институте вины не позволяет рассматривать в его рамках преступную небрежность, необходимым условием реализации которой является объективность критериев, лежащих в ее основе¹.

В.В. Лунеев по данному вопросу высказал следующее мнение: «Уголовная ответственность за небрежность в той трактовке, как она представлена в отечественной науке и практике, не укладывается в принцип субъективного вменения. Чтобы избежать оценочных элементов объективного вменения при небрежности и остаться на позициях субъективного вменения есть лишь один путь - ограничить привлечение к уголовной ответственности за небрежность лишь случаями, где психическое отношение к деянию в той или иной мере просматриваются»².

Сущность этого вида неосторожной вины заключается в том, что лицо, имея реальную возможность предвидеть наступление общественно опасных последствий своего деяния, не проявляет необходимой внимательности и предусмотрительности, чтобы совершить необходимые волевые действия для предотвращения указанных последствий, не превращает реальную возможность в действительность³.

Интеллектуальное содержание небрежности характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным.

Отрицательный признак небрежности- непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий- включает в себя, во-первых, отсутствие осознания общественной опасности совершаемого деяния, а во-вторых отсутствие предвидения преступных

---

¹ Векленко С.В. Указ. соч. – С. 156.

² Лунеев В.В. Субъективное вменение. – С. 47 – 48.

³ Рарог А.И. Указ. соч. – С. 98.

последствий. Приговором Нагайбакского районного суда было установлено, что Н. управляя технически исправным автомобилем и двигаясь в Нагайбакском районе Челябинской области со скоростью более 150 км/ч, значительно превышающей разрешенную, проявил преступную неосторожность, прежде чем начать обгон попутного транспортного средства не убедился в том, что полоса движения, на которую он намерен выехать, свободна на достаточном для обгона расстоянии и в процессе обгона он не создаст опасности для движения и помех другим участникам дорожного движения, с целью произвести обгон двигавшегося в попутном направлении автомобиля скорой медицинской выехал на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, однако, при обнаружении встречного транспортного средства, вернулся на полосу своего движения, при этом не обеспечил безопасность маневра, не выдержал безопасную дистанцию до движущегося впереди попутного автомобиля произвел столкновение с указанным автомобилем вследствие чего автомобиль выехал за пределы проезжей части вправо, где произошло его опрокидывание.

В результате дорожно-транспортного происшествия водителю автомобиля Д. была причинена тупая сочетанная травма. Данные повреждения, осложнились острой кровопотерей - угрожающим для жизни состоянием, вызвавшим расстройство жизненно-важных функций организма человека, которое не может быть компенсировано организмом самостоятельно и в совокупности по степени тяжести оцениваются как причинившие тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, состоят в прямой причинной связи с наступлением смерти Д. в ГБУЗ «Районная больница с. Фершампенуаз»¹.

Причиной дорожно-транспортного происшествия явилось нарушение водителем Н. П.П. требований Правил дорожного движения Российской Федерации. Таким образом, суд квалифицировал деяние Н. как совершение

---

¹ Приговор по делу № 1-12/2018 от 30 марта 2018 года Нагайбакского районного суда Челябинской области. [Электронный ресурс]. – <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>.

преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, - нарушение лицом, управляющим автомобилем правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека.

При совершении преступления Н. действовал небрежно, поскольку не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий в виде столкновения с автотранспортным средством Д. и гибели потерпевшего, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия. Н. не сознает возможности аварии, при этом само нарушение правил обеспечивающих безопасность движения, является осознанным, хотя закон не требует установления вины в отношении деяния в материальном составе неосторожного преступления, нужно учитывать лишь возможность осознания наступления последствий.

С.В. Векленко утверждает, преступная небрежность противоречит принципу субъективного вменения (статья 5 УК РФ), что свидетельствует о незаконности небрежности и выходе ее за рамки закона, а также несоответствии его основным положениям¹.

Положительный признак интеллектуального элемента небрежности состоит в том, что виновный должен был и мог проявить необходимую внимательность и предусмотрительность и предвидеть наступление фактически причиненных вредных последствий. Именно этот признак превращает небрежность в разновидность вины.

Объективный критерий небрежности носит нормативный характер, то есть обозначает вытекающую из различных социальных норм обязанность лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния при соблюдении обязательных для этого лица мер внимательности и предусмотрительности. Эта обязанность может вытекать из прямого указания закона, из специальных правил, профессиональных, служебных или иных функций виновного. Но и наличие такой обязанности еще недостаточно для возложения на обязанное лицо ответственности, для

---

¹ Векленко В.С. Указ. соч. – С. 158.

этого необходимо установить, что лицо имело реальную возможность в данном конкретном случае предвидеть наступление общественно опасных последствий (субъективный критерий), но эту возможность не реализовало и последствий не избежало¹.

Так, согласно постановлению о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа от 06 октября 2017 года Каслинским городским судом Челябинской области было установлено, что гражданин О. был принят на должность электромонтера по ремонту воздушных линий электропередач в ОАО, согласно инструкции по охране труда О. является лицом, на которого возложены обязанности по соблюдению правил охраны труда и правил техники безопасности. О. грубо нарушил правила техники безопасности и охраны труда, являясь производителем работ, не провел целевой инструктаж по мерам безопасности членам бригады, не организовал и не обеспечил бригаду необходимыми средствами защиты, инструментом и приспособлениями, а именно указателем напряжения и переносным заземлением, не проверив отсутствие напряжения на ЛЭП 6 кВ фидера № ГПП №, не вывесил знаки безопасности, и, проявляя преступную небрежность, не учитывая возможность и опасность фактора наличия на ЛЭП напряжения, допустил к производству работ электромонтера по ремонту воздушных линий электропередачи С., который при помощи монтажных когтей и монтажного пояса поднялся на верхнюю часть опоры № до изолятора и проводов, притронулся к проводам, и был поражен электричеством. В результате неосторожных преступных действий О. электромонтера С. поразило техническим электричеством с образованием электрометок на сгибательной поверхности 1-4 пальцев левой кисти и подошвенной поверхности правой стопы, что вызвало тяжкий вред здоровью, повлекший смерть. Действия О. были квалифицированы ч.2 ст. 143 УК РФ².

---

¹ Рарог А. И. Указ. соч. – С.101.

² Постановлению о прекращении уголовного дела по делу № 1-141/2017 Каслинского городского суда от 06 октября 2017 года. [Электронный ресурс]: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument>.

Из данного примера мы видим, что на гражданина О. была возложена обязанность по соблюдению правил охраны труда и правил техники безопасности, что выполнено им не было. Также при должной внимательности и предусмотрительности он имел реальную возможность предвидеть наступление смерти лица от электрического тока, которое должно было пройти инструктаж и которому должно было быть предоставлены необходимые средства защиты, для предупреждения наступления общественно опасных последствий.

Преступная небрежность находится на границе преступления и случая (невиновного причинения вреда). Каких-либо критериев разграничения в теории уголовного права не существует, что предоставляет возможность разрешение данного вопроса исключительно суду, при этом не устанавливая рамок судейского усмотрения, в подобных ситуациях имеет место произвольное решение, основывающееся на собственных представлениях и весьма свободном истолковании той или иной жизненной ситуации.

2.3 Преступления с двумя формами вины

Преступления, как правило, совершаются с какой-то одной формой вины, однако в некоторых случаях законодатель устанавливает ответственность за умышленное преступление, если оно по неосторожности причинило последствие, которое будет выступать в качестве квалифицирующего признака. Следовательно в этих случаях в одном преступлении параллельно существуют две разные формы вины.

Наиболее полное теоретическое обоснование концепция двойной формы вины получила в во второй половине 60-х годов, в ходе полемики наметились две основные концепции смешанной формы вины: «широкая» и «узкая», отличались они только тем, что «широкая» обладала более объемным кругом преступлений.

Советскими учеными была выдвинута теория отдельного установления психического отношения к действию и последствию преступного деяния, на которой возникла концепция отдельного установления форм вины в отношении действия и результата. Сущность которой состояла в том, что каждой части психического процесса- отношению к действию и отношению к последствию- придавалось значение самостоятельной формы вины, а единая форма вины в преступлении в целом определялась совокупностью обеих форм. Поэтому под смешанной формой вины стали понимать различное психическое отношение лица к действию и результату¹. Требованием данного подхода было: 1) установить отношение субъекта к деянию; 2) установить отношение к последствию, тем самым деяние и последствие должны обладать уголовно- правовой автономией. «Широкая» концепция «пыталась» расчленить нерасчленимое, в этом заключалась ее уязвимость.

Сторонники «узкой» концепции двойной формы вины, выступали за признание её только лишь в отношении тех сложных составов, в которых действие, повлекшее за собой тяжкое последствие, есть окончательное преступление. То есть двойная форма вины наблюдается в сложных преступлениях, объективная сторона которых складывается из деяния, представляющего собой окончательное самостоятельное преступление с материальным или формальным составом, и тяжкого дополнительного последствия, предусмотренного в качестве квалифицирующего обстоятельства².

Таким образом смешанная форма вины состоит из двух самостоятельных форм- умысла и неосторожности, одна из которых устанавливается по отношению к деянию, а другая- по отношению к последствию.

---

¹ Козаченко И.Я., Сухарев Е.А., Горбуза А.Д. Понятие вины в уголовном праве (исторический и психолого – правовой анализ). – Екатеринбург, 1993. – С. 24.

² Там же. – С. 25.

На законодательном уровне норма предусматривающая ответственность за преступления, совершенные с двойной формой вины впервые была введена в Уголовном кодексе РФ 1996 года. Статья 27 УК РФ установила следующую дефиницию : «Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Разработка дискуссий по вопросам двойной формы вины приобретает особое значение в условиях научно- технического прогресса в связи с проявлением новых видов общественно опасных деяний. Споры по проблеме двойной формы вины не утихают и сегодня. Они касаются не только правил разграничения двух форм вины, но и даже ее существования и самого термина: двойная форма вины, смешанная или преступления с двумя формами вины.

Относительно термина «двойная» форма вины П.С. Дагель считает, что он не совсем точен, так как вина характеризует субъективную сторону всего преступления в целом, и в одном преступлении вина может быть только одна. Можно говорить о вменении в вину тех или иных обстоятельств, но нельзя говорить о вине по отношению к этим обстоятельствам. Точно также форма вины, характеризуя внутреннюю структуру и полноту элементов, составляющих вину, характеризует все преступления в целом, и в одном преступлении может быть только лишь одна форма вины. Поэтому при неоднородности психического отношения к деянию и к последствию следует говорить о смешанной форме вины, характеризующей преступление в целом,

а не о «смешении» различных форм вины по отношению к различным элементам состава.

А.В. Наумов, наоборот, считает, что наименование «смешанная» вина является неточным. В указанных случаях никакого «смешения» умышленной вины и неосторожной не происходит.

Сочетание умысла и неосторожности в одном преступлении ранее в литературе именовалось «смешанной», «двойной» или «сложной» формой вины. Подобные термины являются неточными, так как совпадение умысла и неосторожности в одном преступлении не образует ни какой третьей формы вины; умысел и неосторожность между собой не смешиваются, они существуют самостоятельно, хотя и в одном преступлении. Следовательно правомерно говорить о преступлениях с двумя формами вины¹.

Не смотря на то, что действующий УК и терминологически, и по существу разрешил ситуацию, при которой умысел и неосторожность сочетаются в одном умышленном преступлении, некоторые ученые продолжают утверждать, что в подобных случаях имеет место некая третья форма вины, совмещающая некоторые признаки обеих форм вины, но при этом отличающаяся и от умысла, и от неосторожности².

Мы считаем, что использование термина «преступление, совершенное с двумя формами вины» является верным, так как вина- это психический процесс, прежде всего по отношению к общественно опасным последствиям и в указанных преступлениях существует разное психическое отношение к разным последствиям, а следовательно две вины применительно к каждому последствию.

В связи с тем, что основной состав преступления всегда включает умысел, законодатель признает такие преступления умышленными. Между тем, казалось бы, это никак не увязывается с названием статьи, где прямо указывается на присутствие двух форм вины в одном преступлении. Тем не

---

¹ Рарог А.И. Указ. соч. – С. 104.

² Там же. – С.105.

менее, в связи с существованием только умысла и неосторожности признание таких преступлений с двойной формой вины умышленными является вполне обоснованным. Во-первых, как уже упоминалось, основной состав характеризуется деянием, отношение к которому выражается в форме прямого или косвенного умысла. Во-вторых, неосторожное последствие наступает вследствие именно этого умышленного деяния и непосредственно связано только с ним. Иначе получается отдельное самостоятельное преступление, отношение к которому у лица выражается в форме неосторожности. В-третьих, если признавать преступления с двумя формами в целом совершенными по неосторожности, это в полной мере будет противоречить здравому смыслу и принципу субъективного вменения¹. Так, Н.А. Никитина подчеркивает, что «умышленное преступление, каковым является основной состав рассматриваемой категории преступлений, даже при наступлении последствий по неосторожности не может рассматриваться в целом как неосторожное и влечь юридически значимые последствия как за совершение неосторожного деяния, потому что это явно не соответствовало бы тяжести совершенного умышленного преступления и степени вины лица, его совершившего»². Следует подчеркнуть, что закрепление в УК РФ таких преступлений в целом как совершенных умышленно поддерживается рядом ученых и авторов уголовно-правовой литературы. Другой вопрос заключается уже в том, что непризнание таких преступлений как совершенных с третьей формой вины вообще признает бесполезность существования статьи, предусматривающей ответственность за данные преступления. Так, В. Лукьянов полагает, что ст. 27 УК РФ совсем не решает проблемы существования таких преступлений, а только усложняет данную

---

¹ Полякова О.В. Признаки составов преступлений с двумя формами вины // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 3. – С. 216.

² Никитина Н.А. Преступления с двумя формами вины и действующее законодательство // Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 130.

ситуацию. Единственное решение проблемы – это признание таких преступлений только умышленными¹.

Исходя из этого на сегодняшний день в доктрине уголовного права остается неразрешенным вопрос о том, к соучастию либо к неосторожному причинению следует относить умышленные деяния, повлекшее общественно опасные последствия по неосторожности, осуществленные двумя и более лицами.

Уголовным законом преступление, совершенное с двумя формами вины, определено как умышленное деяние (ст. 27 УК РФ), равно как и соучастие в преступлении – умышленная общественно опасная деятельность нескольких лиц (ст. 32 УК РФ). На первый взгляд может показаться, что между ст. 27 и 32 УК РФ нет никаких противоречий; оба деяния совершаются с умышленной формой вины. К сожалению, это не так. Несмотря на тот факт, что УК РФ не содержит запрета на совершение преступлений с двумя формами вины в соучастии, все же совместное участие двух или более лиц мыслимо только в умышленных преступлениях, а в преступлениях с двумя формами вины имеет место неосторожный преступный результат, наступивший вследствие совершения умышленного деяния несколькими субъектами. По нашему убеждению, обстоятельство, что в уголовном законе преступления с двумя формами вины рассматриваются в качестве умышленных уголовно-правовых деяний, следует признать спорным, поскольку неразрешенным остается вопрос о правомерности вменения соучастникам преступления квалифицирующего признака в основном составе умышленного преступления, связанного с наступлением неосторожного преступного последствия. Соучастие в преступлениях с двумя формами вины допускается и судебной практикой. Как правило, в решениях по делам о преступлениях, совершенных с двумя формами вины несколькими субъектами, дается указание на групповой способ совершения

---

¹ Лукьянов В. Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двумя формами вины // Российская юстиция. – 2002. – № 3. – С. 59.

преступления. Так, приговором от 14 августа 2014 года Головинского районного суда г. Москвы Д. и Р. осуждены за групповое причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего. Д. организовал совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, по найму, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, с целью организации преступления в отношении М. познакомился с Р., которому пообещал денежное вознаграждение за умышленное причинение тяжких телесных повреждений М. повлекших по неосторожности смерть последнего, на что Р. дал согласие. Суд установил, что Д. осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью М. опасного для жизни последнего, и желая их наступления, не предвидя при этом возможности наступления смерти М., хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, сообщил Р. местонахождение М. Далее Д. убедившись, что наступила смерть М. по требованию Р. передал последнему денежную сумму.

Р. совершил соучастие в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенное по найму, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, в виде исполнительства, путем непосредственного совершения преступления, а именно: Р. и неустановленное следствием лицо, подойдя к М. поочередно умышленно нанесли заранее приисканными предметами, следующие телесные повреждения: несколько колото-резаных ранений передне-внутренней и задней поверхности правого бедра, бедренной вены с полным пересечением бедренной артерии, а так же оскольчатый перелом костей носа. Смерть М. наступила от кровопотери вследствие колото-резаного слепого ранения передне-внутренней поверхности правого бедра, с повреждением бедренной вены, полным пересечением бедренной артерии.

О направленности умысла Д. на организацию умышленного причинения тяжкого вреда здоровью М. свидетельствуют выбор исполнителя, а именно Р., который вдвое крупнее самого Д. и имеет спортивное телосложение, также суд считает, что Д. равнодушно относился к последствиям так называемого «наказания» М., то есть никаким образом не ограничил действия Р. определенными рамками, дав ему свободу действия в части причинения вреда, в связи с чем его действия правильно квалифицированы по ч.4 ст. 111 УК РФ.

О направленности умысла Р. именно на причинение М. тяжкого вреда здоровью свидетельствует орудие преступления – нож, поездка на встречу с М. в компании неустановленного лица с целью увеличения физического преимущества. Нанесение ножевого ранения потерпевшему в ногу, также свидетельствует об умысле на причинение тяжкого вреда здоровью М., и о легкомысленном отношении Р. к последствиям такого ранения, то есть Р. мог предвидеть наступление общественно – опасных последствий в виде смерти потерпевшего, но без достаточных на то оснований самонадеянно рассчитывал на их предотвращение¹.

Против такой квалификации выступают исследователи, настаивающие на том, что в преступлениях с двумя формами вины соучастие мыслимо лишь в рамках основного состава преступления, имеющего умышленный характер; наступивший преступный результат по неосторожности не есть результат соучастия в преступлении. На наш взгляд, позиция теоретиков выглядит наиболее убедительной в сравнении с практикой, поскольку, как верно отмечено В.В. Лукьяновым, трудно смоделировать механизм действия причинно-следственной связи между умышленным преступлением и наступившими неосторожными последствиями. Представляется, что законодатель неправомерно такое двойное сочетание «превращает» в единое умышленное преступление.

---

¹ Приговор по делу № 1-274\14 от 14 августа 2014года Головинского районного суда г. Москвы. [Электронный ресурс]: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>.

Преступлений с двумя формами вины в уголовном законодательстве немного, и все они сконструированы по одному из следующих основных типов.

«Первый тип образуют преступления с двумя указанными в законе и имеющими неодинаковое юридическое значение последствиями. Речь идет о квалифицированных видах преступлений, основной состав которых является материальным, а в роли квалифицирующего признака выступает более тяжкое последствие, чем последствие, являющееся обязательным признаком основного состава. Характерно, что квалифицирующее последствие, как правило, заключается в причинении вреда другому, не тому непосредственному объекту, на который посягает основной вид данного преступления(например, ч. 4 статьи 111 УК РФ).

Второй тип преступлений с двумя формами вины характеризуется неоднородным психическим отношением к действию или бездействию, являющемуся преступным независимо от последствий, и к квалифицирующему последствию. При этом квалифицирующее последствие состоит в причинении вреда, как правило, дополнительному объекту, а не тому, который поставлен под уголовно- правовую охрану нормой, формулирующей основной состав данного преступления. К этому типу относятся квалифицированные виды преступлений, основной состав которых является формальным, а квалифицированный включает в себя определенные тяжкие последствия. Они могут указываться в диспозиции в конкретной форме. (например, крупный ущерб – ст. 169, 189 УК, тяжкие последствия- ч. 2 ст. 145.1, ч.2 ст. 201, ч. 2 ст. 203, ч. 3 ст.285 УК РФ). А может сочетать перечисление конкретных последствий с обобщенной оценкой прочих последствий как тяжких(например, указание на них наряду со смертью потерпевшего или причинением тяжкого вреда его здоровью (п. «а» ч. 3 ст. 127.1, ч.3 ст. 127.2, п. «б» ч.3 ст. 131 УК РФ).»¹.

---

¹ Парог А.И. Указ. соч. – С. 104.

В составах подобного типа умышленное совершение преступного деяния сочетается с неосторожным отношением к квалифицирующему последствию.

Помимо двух описанных типов преступлений с двумя формами вины, на практике может встречаться и третий (исключительный) тип таких преступлений. Речь идет о преступлениях, основной состав которых может характеризоваться любой формой вины. И если неосторожное отношение к квалифицирующему последствию сочетается с умышленной формой вины в основном составе, то налицо преступление с двойной формой вины. Например, умышленное загрязнение морской среды, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч.3 ст. 252 УК РФ), либо умышленное разглашение государственной тайны, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия (ч.2 ст. 283 УК РФ), являются примерами с двумя формами вины третьего (исключительного) типа¹.

Отличаясь особой конструкцией в построении состава, данные преступления вызывают сложность в понимании их правовой природы, механизма действия и квалификации. Конструкция таких составов обладает отличительной чертой, состав одного преступления образуют, два самостоятельных преступления, которые могут существовать и отдельно друг от друга, но при их совокупности они образуют качественно иное преступление, которое характеризуется как более общественно опасное. Исходя из этого преступления с двумя формами вины представляют собой идеальную совокупность преступлений, которая слита в единое сложное преступление.

В литературе существуют различные варианты сочетаний неоднородности психического отношения субъекта к деянию и к последствиям. В.Д. Меньшагин приводит следующие варианты: умысел – небрежность, прямой умысел – косвенный умысел. Ш.С. Рашковская полагает, что возможны четыре варианта: только умысел – умысел или неосторожность, только умысел – только неосторожность, умысел или

---

¹ Парог А.И. Указ. соч. – С. 108.

неосторожность – умысел или неосторожность, только неосторожность – только неосторожность. На наш взгляд более верным будет только два сочетания: умысел – легкомыслие; умысел – небрежность, эти сочетания закреплены в статье 27 УК РФ.

Подводя итог рассмотрению вопроса о преступлении с двумя формами вины, можно сделать следующие выводы:

1. Они характеризуются сочетанием двух различных форм вины, т.е. умысла и неосторожности (сочетание прямого умысла и косвенного или легкомыслия и небрежности не образуют двух форм вины) ;
2. Эти формы вины устанавливаются по отношению к различным юридически значимым признакам общественно опасного деяния;
3. Неосторожным может быть отношение только к квалифицирующим последствиям.
4. Две формы вины могут существовать только в квалифицированных составах преступлений;
5. Преступления с двумя формами вины в целом, как это указано в законе, относятся к умышленным, что определяется умышленной формой вины в основном составе преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вина как уголовно – правовая категория прошла сложный путь развития – от фактического вменения и привлечения к ответственности животных до достаточно четкого разграничения форм вины, их видов и закрепления на законодательном уровне принципа субъективного вменения. Уголовный кодекс РФ не содержит определения понятия вины, но его можно вывести при анализе ст. 24, 25, 26 УК РФ либо встретить только в теории уголовного права. Термин «вина» активно используется в повседневной жизни, существенный вклад в это внесли религия, философия, психология и юриспруденция. Но из – за неоднозначности трактовки нет единого понимания содержания данного слова, по нашему мнению, данную проблему можно было бы искоренить, закрепив законодательное определение термина в УК РФ. Но и в других УК ряда Европейских стран – Германии, Франции, Италии – данное определение отсутствует, законодатели не решаются одной фразой дать исчерпывающее определение этому сложнейшему институту уголовного права.

При исследовании данной темы, мы пришли к следующим выводам и обратили внимание на следующие дискуссионные вопросы, складывающиеся в науке и практике:

1. Из сущности принципа вины, предпочтение должно отдаваться субъективным признакам преступления. И если какое-либо объективное обстоятельство умышленного преступления не осознается субъектом, то вменять его лицу нельзя. Думаем, что иное решение будет свидетельствовать о нарушении принципа вины.

2. Объективное вменение, которое встречается на практике и отражается в некоторых нормах, является результатом отсутствия единой четко сформулированной уголовно-правовой политики. В настоящее время объективное вменение следует рассматривать как результат нарушения основных принципов.

3. Судебная практика и большинство ученых придерживаются тому, что в предмет сознания как элемента интеллектуального признака должно входить: 1) общественная опасность деяния т. е. характеристика (хотя бы в общих чертах) объекта преступления, фактическое содержание и социальные свойства всех составных элементов действия или бездействия; 2) противоправность совершаемого деяния.

4. Для характеристики волевого признака вины в современной юридической литературе высказываются предложения о целесообразности введения понятия правовой свободы, т. е. свободы, ограничиваемой номами права.

5. Анализируя отражения вины в зарубежных странах, выделяют следующие теории понимания вины:

- 1) теория опасного состояния;
- 2) оценочная(нормативная, этическая) теория;
- 3) психологическая теория.

6. Неодинаковый характер предвидения, является различительной чертой обоих видов умысла. Но, основным отличием косвенного умысла от прямого заключается в волевом элементе: прямой умысел характеризуется желанием, а косвенный- сознательным допущением наступления общественно опасных последствий либо безразличном к ним отношением.

7. Одним из упущений правоприменителя является то, что при установлении формы вины в правоприменительных актах не устанавливается ее вид. Анализ субъективной стороны преступления предполагает установление не только формы вины, но также вида неосторожности.

8. При легкомыслии субъект предвидит абстрактную возможность наступления последствий, другими словами, осознает лишь абстрактную опасность такого рода деятельности.

9. Уголовная ответственность за небрежность в той трактовке , как она представлена в отечественной науке и практике, не укладывается в принцип субъективного вменения. Чтобы избежать оценочных элементов

объективного вменения при небрежности и остаться на позициях субъективного вменения есть лишь один путь - ограничить привлечение к уголовной ответственности за небрежность лишь случаями, где психическое отношение к деянию в той или иной мере просматриваются

10. Сочетание умысла и неосторожности в одном преступлении ранее в литературе именовалось «смешанной», «двойной» или «сложной» формой вины, однако правомерно говорить о преступлениях с двумя формами вины.

11. Уголовным законом преступление, совершенное с двумя формами вины, определено как умышленное деяние, равно как и соучастие в преступлении – умышленная общественно опасная деятельность нескольких лиц. Несмотря на тот факт, что УК РФ не содержит запрета на совершение преступлений с двумя формами вины в соучастии, все же совместное участие двух или более лиц мыслимо только в умышленных преступлениях, а в преступлениях с двумя формами вины имеет место неосторожный преступный результат.

Необходимо добавить, что процесс совершенствования института виновного вменения в некоторой степени является отражением уровня развития общества. Наука уголовного права должна находиться в постоянном поиске новых мер защиты прав и интересов от преступных посягательств, от того, насколько нормы уголовного закона соответствуют требованиям настоящего времени зависит эффективность их применения, а также прогрессивность развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63 – ФЗ // Собрание законодательства РФ . – 1996. – № 25. Ст. 2954.
2. Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р редакции 1926 года» от 22.11.1926 // Доступ из «СПС Консультант плюс».

Раздел 2 Литература

3. Агачева А.В. Проблема вины в уголовном праве России // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С. 89 – 93.
4. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Бавсун. – Омск, 2002. – 186 с.
5. Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев – СПб, 2009. – С. 127.
6. Векленко С.В. Диалектика и вопросы вины в уголовном праве / С.В. Векленко – Омск, 2003. – 84 с.
7. Векленко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве : Монография / С.В. Векленко – Омск , 2002. – 192 с.
8. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Р.Р. Галиакбаров – Саратов, 1997. – 420 с.
9. Герцензон А. А. Уголовное право: Часть общая/ А.А. Герцензон – М., 1948 – 496 с.
10. Дагель П.С. Неосторожность, уголовно- правовые и криминологические проблемы / П.С. Дагель – М., 1997. – 230 с.

11. Данилюк С.Е. Ошибка в противоправности преступного деяния и ее уголовно – правовое значение: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С.Е. Данилюк. – Москва, 1990. – 203 с.
12. Епифанова Е.В. Объективное вменение как реальность в современном уголовном праве// Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2017. – № 2. – С.65-69.
13. Жалинский А.Э. Современное уголовное право/ А.Э. Жалинский – М.: Проспект, 2004 г. – 468 с.
14. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы / Г.А. Злобин – М., 1972. – 250 с.
15. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР / М.М. Исаев . – Ленинград, 1925 г. – 304с.
16. Козаченко И.Я., Сухарев Е.А., Горбуза А.Д. Понятие вины в уголовном праве (исторический и психолого – правовой анализ)/ И.Я. Козаченко, Е.А. Сухарев, А.Д. Горбуза – Екатеринбург, 1993. – 40 с.
17. Лукьянов В. Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двумя формами вины // Российская юстиция. – 2002. – № 3. – С. 58 – 63.
18. Лунеев В.В. Субъективное вменение. – С. 21.
19. Лясс Н.В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях/ Н.В. Лясс – Ленинград, 1997. – 438 с.
20. Мясищев В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясищев – Ленинград, 1960. – 348 с.
21. Назаренко Г.В. Русское уголовное право: Общая часть. – С. 90.
22. Недопекина Т.Б. Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук/ Т.Б. Недопекина – Саратов, 2010. – 192 с.
23. Нерсесян В.А. Неосторожная вина : проблемы и решения // Государство и право . – 2000. – № 4. – С. 61 – 68.

24. Никитина Н.А. Преступления с двумя формами вины и действующее законодательство // Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 127 – 135.
25. Никифоров Б.С. Субъективная сторона формальных преступлений // Советское государство и право . – 1971. – № 3. – С. 117 – 124.
26. Новичков В.Е. Субъективное вменение в современном уголовном праве России и заблуждение лица, совершившего общественно опасное деяние // Таврический научный обозреватель. – 2017. – №3 – 1. – С. 5 – 10.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 2004. – С.579.
28. Памятники Русского права. Вып.1: Памятники права Киевского государства X – XII вв. / под ред. С.В. Юшкова. – М., 1952. – 430 с.
29. Памятники Русского права. Вып.4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV- XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1956. – 578 с.
30. Памятники Русского права. Вып.6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М., 1957. – 520 с.
31. Пинчук В. И. Вина: Учебное пособие / В.И. Пинчук- СПб., 1998, – 32 с.
32. Питецкий В.В. Проблемы реализации принципа вины в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – №5. – С. 169 – 174.
33. Полякова О.В. Признаки составов преступлений с двумя формами вины // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 3. – С. 213 – 218.
34. Примерный уголовный кодекс США / под ред. Б. С. Никифоров. – М., 1964. [Электронный ресурс] : <http://lawlibrary.ru/izdanie7916.html>. – С. 22.
35. Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве / А.И. Рарог – М., 1980. – 195 с.
36. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А.И. Рарог – М.: Проспект, 2017. – 232 с.

37. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. / В.А. Рогов – М., 1995. – С.52 – 53.
38. Российское законодательство X – XX веков / под ред. О.И. Чистяков. – М.,1986. – 328 с.
39. Салтыкова С. Зарождение древнерусского права // Российская юстиция. – 1997. – №1. – С. 59 – 63.
40. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко – М, 1963. – 247 с.
41. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения / И.М. Сеченов – М., 1947. – 430 с.
42. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин – М., 1972. – 303 с.
43. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Общая часть / Н.С. Таганцев – СПб., 1902. – 563 с.
44. Таганцев Н.С. Уголовное уложение / Н.С. Таганцев – СПб., 1904. – 214 с.
45. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. II. Субъективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. – М., 2016. – 400 с.
46. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве: монография / Б.С. Утевский. – М: Проспект, 2017. – 221 с.
47. Шевелева С.В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // Lex Russica. – 2014. – № 7. – С. 850 – 859.
48. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно- правовое значение / В.А. Якушин – Казань, 1998. – 128 с.

Раздел 3 Постановления высших судебных инстанций и материалы судебной практики

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ . – 2011. – № 1.
50. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 года № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 4.
51. Апелляционный приговор по делу № 10–4169/2016 от 30 августа 2016 года Челябинского областного суда.
52. Постановление о прекращении уголовного дела по делу № 1-141/2017 Каслинского городского суда от 06 октября 2017 года. [Электронный ресурс]: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument>.
53. Приговор по делу № 1-127/2016 от 1 июня 2016 года Центрального районного суда г. Челябинска.
54. Приговор по делу № 1- 57 /2016 от 10 февраля 2016 года Верхнепышминского городского суда Свердловской области.
55. Приговор по делу № 1-20/2017 от 11 октября 2017 года Ленинского районного суда г. Магнитогорска.
56. Приговор по делу № 1-274\14 от 14 августа 2014года Головинского районного суда г. Москвы. [Электронный ресурс]: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> / (дата обращения: 22.04. 2018).
57. Приговор по делу № 1-11/2017 от 15 февраля 2017 года Агаповского районного суда Челябинской области. [Электронный ресурс]: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument>.

58. Приговор от 30 марта 2018 г. по делу № 1-12/2018 Нагайбакского районного суда Челябинской области. [Электронный ресурс]: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>.
59. Приговор по делу № 1-34/ 2016 от 9 марта 2016 года Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга.